

ПЕРЕУЛОК
ПАМ'ЯТИ

ВАДИМ ШЕФНЕР

ПЕРЕУЛОК
ПАМ'ЯТИ

ВАДИМ ШЕФНЕР

ВАДИМ ШЕФОНЕР

ПЕРЕУЛОК
ПАМЯТИ

*избранное
и новое*

ЛЕНИЗДАТ · 1976

В книгу известного советского поэта Вадима Шефнера «Переулок памяти» включены произведения из ранее вышедших книг и раздел новых стихотворений, созданных в последние годы.

ИЗ РАННИХ КНИГ

Покинул я простор зеленый
И травы, росшие внизу,
Чтобы с веранды застекленной
Смотреть июльскую грозу.

И, в рамы тонкие зажатый,
Такой привычный, но иной,
На разноцветные квадраты
Распался мир передо мной.

Там через поле шла корова,
И сквозь стекло была она
Сперва лилова и багрова,
Потом желта и зелена.

Но уж клубились вихри пыли,
И ливень виден был вдали,
И в пестром небе тучи плыли,
Как боевые корабли.

И, точно пламенем объята,
Сосна, где с лесом слился сад,
Вдруг из зеленого квадрата
В багровый вдвинулась квадрат.

И разбивались о карнизы
Потоки крупного дождя,
И пылью опускались книзу,
Из цвета в цвет переходя.

И тучи реяли, как флаги
На древках молний,

6 И во мгле
Чертили молнии зигзаги
И льнули к трепетной земле.

Так, по земле тоской объаты,
Под ветра судорожный вой
Они прошли
Сквозь все квадраты —
И цвет не изменили свой.

1938

Вдали под солнцем золотились ели,
А здесь, отвергнув животворный зной,
Шуршал камыш, и лилии горели
Прозрачной, нездоровой белизной.

И, на меня оставив изумруды
Недвижных глаз, бездумных, как всегда,
Лягушки, точно маленькие будды,
На бревнышке сидели у пруда.

Молчали все цветы на стеблях тонких,
И тишина, казалось мне тогда,
Давила на ушные перепонки,
Как на пловца глубокая вода.

Но слышалась мне в длительном молчанье
Болотных трав, видневшихся вдали,
Невидимая дрожь существованья,
Корней шуршанье в глубине земли.

1938

8 ВОИН

Заплакала и встала у порога,
А воин, сев на черного коня,
Промолвил тихо: «Далека дорога,
Но я вернусь. Не забывай меня».

Минуя поражения и беды,
Тропой войны судьба его вела,
И шла война, и в день большой победы
Его пронзила острая стрела.

Средь боевых друзей — их вождь
недавний —
Он умирал, не веруя в беду, —
И кто-то выбил на могильном камне
Слова, произнесенные в бреду.

. . . . .

Чертополохом поросла могила,
Забыты прежних воинов дела,
И девушка сперва о нем забыла,
Потом состарилась и умерла.

Но, в сером камне выбитые, строго
На склоне ослепительного дня
Горят слова: «Пусть далека дорога,
Но я вернусь. Не забывай меня».

1939

А. Гитовичу

Вдали звенят бубенчики коров,
Поет пастух, а здесь безлюдно, дико.
Густая зелень затянула ров,
И на валу алеет земляника.

Потрескавшийся камень — темно-бур,
Изъела ржа чугунные засовы,
И, вылетев из черных амбразур,
По вечерам тревожно кычут совы.

Пусть крепость неприступною была,
Но время двинулось само на приступ,
И мост подгнил, и бастиона выступ
Мечтательная зелень оплела.

Где ядра тратил понапрасну враг,
Где воины не ведали измены,
Теперь полынь и огнецветный мак
Без боя взяли рухнувшие стены.

Ты скажешь: вот — вонзались башни
Ввысь,
Чернели рвы, а что осталось ныне?
Не у камней бессмертию учись,
А у цветов и у стеблей полыни.

1939

10 ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Забывчивый охотник на привале
Не разметал, не растоптал костра.
Он в лес ушел, а ветки догорали
И нехотя чадили до утра.

А утром ветер разогнал туманы,
И ожил потухающий костер
И, сыпя искры, посреди поляны
Багровые лохмотья распростер.

Он всю траву с цветами вместе выжег,
Кусты спалил, в зеленый лес вошел.
Как вспугнутая стая белок рыжих,
Он заметался со ствола на ствол.

И лес гудел от огненной метели,
С морозным треском падали стволы,
И, как снежинки, искры с них летели
Над серыми сугробами золы.

Огонь настиг охотника — и, мучась,
Тот задыхался в огненном плену;
Он сам себе готовил эту участь, —
Но как он искупил свою вину!..

Не такова ли совесть?

Временами

Мне снится сон средь тишины ночной,
Что где-то мной костер забыт, а пламя
Уже гудит, уже идет за мной...

1940

Сама весна бредет с тобою рядом
То в дождевой, то в солнечной пыли,
И возникает радуга над садом,
Где яблони сегодня зацвели.

Сложи подзорной трубкою ладони,
Смотри и верь
хоть краешком души,
Что там Весна на голубом картоне
Цветные пробует карандаши.

Всего мне мало...

Пусть в мгновение это
Все семь цветов я вижу без труда,—
Но все ж невольно жду восьмого цвета,
Который в детстве снился иногда.

Апрель 1941

12 ЛЕТНИЕ НОЧИ

Мы в поздний час в июльский вечер любим
Следить, как пар клубится над рекой,
И ждать, когда в луны беззвучной бубен
Ударит полночь смуглою рукой.

А солнце тонет в розовой пене,
И с каждым мигом в мире всё темней,
И на луга от роц ложатся тени,
Сгибая травы тяжестью своей.

И ночь, как башня черная, встает,
Серебряным увенчанная кругом,
Над спящим лесом, над туманным лугом,
Над озером, над кочками болот.

Дневных кустов, полдневную траву
Нам не узнать в луны свеченье мутном, —
Как будто сны, прервавшиеся утром,
Овладевают нами наяву.

В такую ночь, устав кружиться в танце
И возмущать серебряную гладь,
Русалки на плотины гидростанций
Садятся косы длинные чесать;

Расплывчатые тени великанов
Беспечно бродят в сумрачном лесу,
И эльфы из фарфоровых стаканов
На проводах ночную пьют росу.

И нам в любое счастье верить можно,
Как будто в этот безмятежный час
От суеты и от печали ложной
Сама природа охраняет нас.

Май 1941

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я всё забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены,—
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

14 Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнем.
Но всё пройдет. И, что бы ни случилось, —
Враг никогда не отразится в нем!

1942, Ленинград

На станции сойдя прифронтовой,
Иной дороги к западу ищи ты:
За семафором путь порос травой
И рельсы тусклой ржавчиной покрыты.

Недалеко отсюда враг залег, —
Здесь лес шумит встревоженно и дико.
Как выпавший из топки уголек,
Горит на шпалах алая гвоздика.

Почти двенадцать месяцев прошло
Со дня, когда кольцо блокады сжалось,
И семафора белое крыло
Ни разу с той поры не подымалось.

Боец, суров и труден путь войны,
Невмоготу бывает временами,
Но всё от нас зависит. Мы вольны
Сполна вернуть утраченное нами.

И знай, идя в кровопролитный бой
Сквозь загражденья, выстрелы и взрывы, —
Не только за тобой — и пред тобой
Твоя земля, твои леса и нивы...

Мы победим! Борись за день, когда
Падут враги... Тогда на запад снова
Пойдут по расписанию поезда,
И ржавчина сойдет с пути стального.

16 Тогда пороховой осядет дым,
И расточится полутьма седая,
И семафор взмахнет крылом своим,
Как птицы машут, клетку покидая.

1942, Ленфронт

И вот весна. И с моря влажный ветер
И легкий запах зелени лесной,
И каждый день торжественен и светел,
Как прошлой, невоенною весной.

Но старого собора купол серый
(А помнишь — он был ярко-золотой),
И окна, ослепленные фанерой,
И мрак ночей, зловещий и пустой,

И всё — куда ни взглянем, где ни
ступим, —
Всё нам твердит о дрящейся войне.
Но Ленинград, как прежде,
неприступен, —
Всё испытавший, он сильней вдвойне.

Еще гроза над ним не отшумела,
Еще врагов не прорвано кольцо,
Но дышит он весной и смотрит смело
Великому грядущему в лицо.

Апрель 1942

...Давно ль, пройдя равнины и болота,
В него ломился разъяренный враг
И об его чугунные ворота
Разбил свой бронированный кулак.

Свой город отстояв ценою бед,
Не сдали Ленинграда ленинградцы, —
Да, в нем ключи чужих столиц хранятся,
Ключей к нему — в чужих столицах нет!

И мы, огонь познавшие и голод,
Непобедимы в городе своем,
И не взломать ворота в этот город
Ни голодом, ни сталью, ни огнем.

Он встал, как страж, на сумрачном заливе,
Вонзая шпиль в огненный рассвет.
Есть города богаче, есть счастливей,
Есть и спокойней. Но прекрасней — нет!

Он победит! Он все залечит раны,
И в порт войдут, как прежде, корабли...
Как будущих строений котлованы,
За городом траншеи пролетели.

1943

Пусть ржут метафорические кони,
Поет стрела, летя издалека.
Я знаю сам, что жизнь — как на ладони
Та линия — ясна и коротка.

Не очень долго и не очень много
До отдыха последнего идти,
Но не грустна и не страшна дорога,
И есть о чем задуматься в пути...

1943

Я мохом серым нарасту на камень,
Где ты пройдешь. Я буду ждать в саду
И яблонь розовыми лепестками
Тебе на плечи тихо опаду.

Я веткой клена в белом блеске молний
В окошко стукну. В полдень на лугу
Тебе молчаньем о себе напому
И облаком на солнце набегу.

Но если станет грустно нестерпимо,
Не камнем горя лягу я на грудь —
Я глаз твоих коснусь смолистым дымом:
Поплачь еще немного — и забудь...

1944

22 СТОРОЖ

От домика осталась печка,
Да черная труба над ней,
Да сиротливое крылечко
Из грубо тесанных камней.

Двор зарастает дикой мятой,
А все же на крылечке том
Сидит, как прежде, пес лохматый
И стережет сгоревший дом.

Днем он в лесу иль на болоте
Живет, охотясь кое-как,
Но к ночи здесь всегда найдете
Его, глядящего во мрак.

Ведь он и сам, наверно, понял,
Что не дождется никого,
Но помнит теплые ладони
И голос, кликавший его.

И по ночам — из бурелома,
Из тьмы лесной, из мглы сырой
Шаг чей-то, легкий и знакомый,
Ему мерещится порой.

1945

Нам на одном участке обороны
Для надолбов цемента не хватило,
И с кладбища ближайшего туда
Свезли мы спешно гробовые плиты
И черные колонны с именами
И датами рождений и смертей.
Так, врытые в болотистую землю,
Стоят они поныне в ровном поле,
И больше не прочтешь на них имен:
Всё стерла сталь.
Враг не был впущен в город.
Они теперь не памятники смерти,
А памятники стойкости и славы,
И не в обиде мертвые на нас,
Что мы имен их и могил

не знаем, —

Зато они в земле свободной спят,
И правнуки их ходят по свободной,
Никем не завоеванной земле.

1946

24 ЩУКА

Во тьму, на дно речного омута,
Где щука старая живет,
Засасывает листьев золото
Задумчивый водоворот.

Плывут всё новые и новые
И погружаются на дно,
Березовые ли, кленовые —
Водовороту всё равно.

А ночь осенняя, пустынная
Приходит, — и из трав густых
Со дна всплывает щука длинная,
Вся в листьях ржаво-золотых.

Ей снова молодость мерещится.
Она, пьянея тишиной,
Как рыжая русалка плещется
Под фосфорической луной.

1946

А в старом парке листья жгут,
Он в сизой дымке весь.
Там листья жгут и счастья ждут,
Как будто счастье есть.

Но счастье выпито до дна
И сожжено дотла,—
А ты, как ночь, была темна,
Как зарево — светла.

Я все дороги обойду,
Где не видать ни зги,
Я буду звать тебя в бреду:
«Вернись — и снова яги.

Вернись, вернись туда, где ждуг,
Скажи, что счастье — есть».

А в старом парке листья жгут,
Он в сизой дымке весь...

1945, август

Как всё здесь неуклюже и негладко,
Пороги вязнут в вековой грязи,
И храма циклопическая кладка
Бесформенною кажется вблизи.

Уходит ввысь уверенно и хмуро
Замшелая бугристая стена,
И камня перевозданная фактура
Щербата и ничем не смягчена.

Но вверх взгляни — над сизыми холмами
Увидишь ты ожившую мечту:
Как дым костра в безветрие, как пламя,
Как песня, храм струится в высоту.

Он рвется ввысь, торжественен и строен,
Певучей силой камень окрылен, —
Для бога он иль не для бога строен,
Но Человеком был воздвигнут он.

И нет в нем лицемерного смиренья, —
Безвестный зодчий был правдив и смел:
Он стал творцом — и окрылил каменья,
И гордость в них свою запечатлел.

И ты стоишь на каменном пороге,
И за людей душа твоя горда, —
Приходят боги и уходят боги,
Но Человек бессмертен навсегда,

1946

28 ПЕРВЫЙ МОСТ

...И вот он вырвался из чащи
По следу зверя. Но поток,
В глубокой трещине урчащий,
Ему дорогу пересек.

На берегу другом — добыча,
Для всей семьи его — еда:
Нетронутые гнезда птички,
Косуль непуганых стада...

Себе представив на мгновенье
Закрытый для него простор,
Затылок он в недоуменье
Косматой лапою потер.

И брови на глаза нависли,
И молча сел на камень он,
Весь напряженьем первой мысли,
Как судорогою, сведен.

И вдруг — голодный, низколобый —
Он встал, упорен и высок,
Уже с осмысленною злобой
В ревуший заглянул поток.

И, подойдя к сосне, что криво
Росла у самого обрыва,
И корни оглядев — гниль! —
Он стал раскачивать ее.

И долго та работа длилась,
И камни падали в обрыв,

И с хрустом дерево свалилось,
Два берега соединив. **20**

И он тропюю небывалой
На берег перешел другой,
И пот со лба отер усталой —
Уже не лапой, а рукой.

1954

30 ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождя серебряные молоточки
Весеннюю выстукивают землю,
Как миллион веселых докторов.

И мир им отвечает: «Я здоров!»

1948

ДРУГ ДЕТСТВА

Сегодня вспомнил я, что друга позабыл,
Который в детстве мне других дороже был.

Он был честней меня, смелее и умней,
Он в трудные часы был совестью моей.

Бывало — с ним вдвоем бродили по лугам,
Нас острая трава хлестала по ногам.

Вдвоем встречали мы весенних птиц прилет,
Кипучие ручьи переходили вброд.

Но разлучились мы. С годами я забыл
О добром двойнике, который другом был.

И он навек к лугам, к жужжанью мирных пчел
Из памяти моей обиженно ушел.

Когда-нибудь и мне придется умирать,
Обступят все друзья больничную кровать,

И, вспомнив, что среди них нет друга одного,
Последней волею я призову его.

И сосны зашумят, и птицы запоют,
И стебли диких трав линолеум пробьют.

По камню и земле, по глади сонных вод
На горький мой призыв проститься друг придет.

Из детства он придет по травам полевым,
И взрослые друзья расступятся пред ним.

1955

32 ПРИЯТЕЛЬНИЦЫ

В чашобе тихо, как во сне,
Течет зеленый быт.
Березка, прислонясь к сосне,
Задумчиво стоит.

Растут, как их судьба свела,
Стремятся обе ввысь —
Два тонких молодых ствола
Ветвями обнялись.

Посмотришь — дружбы нет сильней,
Покой да тишина.
А под землей — борьба корней,
Беззвучная война.

1955

Над пустотою нависая криво,
Вцепясь корнями в трещины камней,
Стоит сосна у самого обрыва,
Не зная, что стоять недолго ей.

Ее давно держать устали корни,
Не знающие отдыха и сна;
Но с каждым годом круче и упорней
Вверх — наискось — всё тянется она.

Уже и зверь гордячки сторонится,
Идет в обход, смертельный чуя страх,
Уже предусмотрительные птицы
Покинули гнездо в ее ветвях.

Стоит она, беды не понимая,
На сумрачной обветренной скале...
Ей чудится — она одна прямая,
А всё иное — криво на земле.

1954

34 ВЕРБЛЮД

В степи расположен верблюжий завод,
Строения, изгородь, поле.
Двугорбый верблюд-бактриан у ворот
Стоит кораблем на приколе.

Он важен. Не кошь он, не мул, не ишак —
В пустыне, во время движенья,
Он сам себе двигатель, бог и завмаг
И сам себе база снабженья!

Но нет ни стеклянных, ни водных зеркал
Красе отразиться верблюжьей.
Давно он, бедняга, себя не видал
Ни в море, ни в речке, ни в луже.

А рядом — совсем неуклюжий на вид,
С горбами не более дыни —
Веселый малыш верблюжонок стоит,
Можнатый кораблик пустыни.

И смотрит папаша на сына — хорош!
А после вздыхает тяжело:
— Хорош-то хорош, да со мною несхож,
В кого он горбатый, бедняжка?..

1954

Хорошо и привольно на свете,
Только мало мне жизни одной.
Ожидай через пару столетий
Вот на этой полянке лесной.

Выйду я, молодой и пригожий,
Из чащобы с берданкой в руках,
В сапогах небракованной кожи
И с подковками на каблуках.

Мне пугать тебя нет интереса,
На-ка фляжку, хлебни поскорей!
Я комиссией Главоблвоскреса
Воскрешен по заявке твоей.

Разожжем мы костер на рассвете,
Посидим у живого огня.
Жди меня через пару столетий,
Да смотри не старей без меня!

1954

36 УТЕШЕНИЕ

За эти губы, пахнувшие медом,
За грустный вздох, за ласковый упрек
Чего-чего бы только ты не отдал,
Каких бы только не прошел дорог!

Встречаться больше с ней не довелось:
Ушла, забыла, затерялся след.
Идут года. Тебе уж тридцать восемь,
А ей всё те же девятнадцать лет.

Она тебя любила — может статься,
Ты был ей всех дороже — может быть
Ушла — чтобы навек с тобой остаться,
Забыла — чтобы ты не мог забыть.

1954

Из книги
„НЕЖДАННЫЙ ДЕНЬ“

Много слов на земле. Есть дневные слова —
В них весеннего неба сквозит синева.

Есть ночные слова, о которых мы днем
Вспоминаем с улыбкой и сладким стыдом.

Есть слова — словно раны, слова — словно суд, —
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.

Но слова всем словам в языке у нас есть:
Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь.

Повторять их не смею на каждом шагу, —
Как знамена в чехле, их в душе берегу.

Кто их часто твердит — я не верю тому,
Позабудет о них он в огне и дыму.

Он не вспомнит о них на горящем мосту,
Их забудет иной на высоком посту.

Тот, кто хочет нажиться на гордых словах,
Оскорбляет героев бесчисленных прах,

Тех, кто в темных лесах и в траншеях сырых,
Не твердя этих слов, умирали за них.

40 Пусть разменной монетой не служат они —
Золотым эталоном их в сердце храни!

И не делай их слугами в мелком быту —
Береги изначальную их чистоту.

Когда радость — как буря, или горе — как ночь,
Только эти слова тебе могут помочь!

1956

Умирает владелец, но вещи его остаются,
Нет им дела, вещам, до чужой, человеческой беды.
В час кончины твоей даже чашки на полках не бьются,
И не тают, как льдинки, сверкающих рюмок ряды.

Может быть, для вещей и не стоит излишне
стараться, —
Так покорно другим подставляют себя зеркала,
И толпою зевак равнодушные стулья толпятся,
И не дрогнут, не скрипнут граненые ноги стола.

Оттого, что тебя почему-то не станет на свете,
Электрический счетчик не завертится наоборот,
Не умрет телефон, не засветится пленка в кассете,
Холодильник, рыдая, за гробом твоим не пойдет.

Будь владыкою их, не отдай им себя на закланье,
Будь всегда справедливым, бесстрастным хозяином
их, —
Тот, кто жил для вещей, — всё теряет с последним
дыханьем,
Тот, кто жил для людей, — после смерти живет среди
живых.

42 ВЫПУСКАЮЩИЙ ПТИЦ

В квартире одной коммунальной,
Средь прочих прописанных лиц,
Живет пожилой и печальный
Чудак, выпускающий птиц.

Соседи у рынка нередко
Встречают того чудака —
С большой самодельною клеткой
Стоит он у зоолярка.

С полочки своей небогатой
Накупит чижей и синиц.
И за город едет куда-то
Чудак, выпускающий птиц.

Плывут мимо окон вагонных
Сады и асфальт автострад;
На месте поселков сожженных
Другие, не хуже, стоят.

Качаются дачные сосны,
И речки прозрачны до дна,
И даже сквозь грохот колесный
Земная слышна тишина.

А всё же душа не на месте,
И радости нет в тишине:
Без вести, без вести, без вести
Пропал его сын на войне.

И вот полустанок невзрачный
У стыка рокадных дорог...
В болотистом месте, не дачном,
Рубеж обороны пролегал.

Отыщет старик не впервые
Пехотной дивизии тыл,
Где встали цветы полевые
На холмики братских могил.

Но где приклонить ему взоры,
Куда ему сердцем припасть,
Где холмик найти, над которым
Он мог бы наплакаться всласть?..

Он с клетки снимает тряпицу,
Потом открывает ее, —
Молчат присмирившие птицы
И в счастье не верят свое.

Но крылья легки и упруги,
И радость растет на лету, —
В каком-то счастливом испуге
Взывают они в высоту.

Летят над землею зеленой,
Летят без дорог и границ,
И смотрит на них умиленно
Старик, выпускающий птиц.

1956

44 БАЛТИКА

Там, где кончается Ленинград,
Начинается море.
Пенные волны шумят
В белесом просторе.

С лодки взглядишься — вдали
Различаешь ты мало-помалу:
Осторожно идут корабли
По Морскому каналу.

А на другой стороне
Увидишь крылатые яхты,
Сосны в закатном огне,
Отмели Лахты.

Море... Лазури в нем нет,
Синим назвать его трудно.
Море покрашено в цвет
Военного судна.

Только тебе всё равно:
Пусть не синее, не голубое —
Счастлив ты тем, что оно
Рядом с тобою.

1958

Смерть не так уж страшна и зловеща.
Окончательной гибели нет:
Все явленья, и люди, и вещи
Оставляют незыблемый след.

Распадаясь на микрочастицы,
Жизнь минувшая не умерла, —
И когда-то умершие птицы
Пролетают сквозь наши тела.

Мчатся древние лошади в мыле
По асфальту ночных автострад,
И деревья, что срублены были,
Над твоим изголовьем шумят.

Мир пронизан минувшим. Он вечен
С каждым днем он богаче стократ.
В нем живут наши давние встречи,
И погасшие звезды горят.

1957

46 С ГОДАМИ

Как будто и глаза похуже,
Но всё ясней за годом год
В своем стоцветном всеоружье
Земля передо мной встает.

Она встает, в глаза мне кинув
Снегов живую белизну,
Цветов невзрачных, трав низинных
Таинственную новизну.

От рощи, от речной излуки
Не отвести порою глаз.
О, как в предвиденье разлуки
Взор обостряется у нас!

Неужто только на исходе,
В преддверье вечной слепоты,
Дано нам различить в природе
Ее заветные черты?

1958

Я в детстве был вертлявым и шумливым,
На беготню я тратил много сил,
И, свой обед съедая торопливо,
Всегда вторую порцию просил.

С годами та прожорливость отпала,
А мир вокруг — всё шире и родней.
Теперь мне не жратвы, мне жизни мало,
И к жизни я, чем старше, тем жадней.

Я знаю: смерть повсюду нас находит,
Не век шагать мне по ступенькам лет.
Но у меня в таком плохом исходе
Трагической уверенности нет.

Всё чудится, что соберутся люди,
Минуты, как крупинки, соберут,
Пошепчутся, столкнутся, обсудят —
И мне вторую порцию дадут.

1957

48 ДВА ЧЕЛОВЕКА

Твое несчастье в том, что ты не знал беды,
Легки твои пути, легки твои труды.
Пусть говорят слепцы: тебе во всем везет,—
Но не хотел бы я шагать с тобой в поход.

Я видывал таких. Ты добр, покуда сыт,
Покуда твой кусок легко тобой добыт.
До первой встряски ты и ловок, и умел,
До первой рюмки трезв, до первой драки смел.

С товарищем моим пошел бы я в поход,
Хоть в жизни, говорят, ему и не везет.
Победы он знавал, но и хлебнул беды,
Трудны его пути и нелегки труды.

Он — не на побегушках у судьбы,
Он падал и вставал, шаги его грубы.
Такой не подведет, он жизнью закален,
Его удача в том, что неудачник он.

1958

У лесника в прокуренной сторожке
Домашний волк живет не первый год.
Он незлобив, не тронет даже кошки,
Он, как собака, домик стережет.

Когда-то у оврага, в дальней роще,
В неистовую позднюю пургу,
Лесничий взял его волчонком тощим
И преданного выкормил слугу.

Но в феврале, когда метель клубится,
Волк смотрит настороженно во тьму,
И сам хозяин в эти дни боится
Его погладить, подойти к нему.

Там где-то стая ждет его прихода,
Его зовет клубящаяся мгла, —
И, может быть, голодная свобода
Ему дороже теплого угла.

Хозяин, бойся этой волчьей стати
И очень-то не доверяй ему, —
Злом за добро он всё равно отплатит,
На вой волчицы кинувшись во тьму.

Ни ласкою, ни хлебом, ни пинками
Не пробуй возвращать его назад, —
Он горло перервет тебе клыками,
И ты же будешь в этом виноват.

50 Он просто волк, он не собачьей масти,
И он уйдет, забыв, что он ручной,
От теплого навязанного счастья
В метель и холод, в неуют ночной.

1957

Снова листья легли на дорогу
И шуршат под ногами опять,—
Так их в мире бесчисленно много,
Что никак их нельзя не топтать.

Мы спешим, мы красы их не ценим,—
В жизни есть поважнее дела.
Но вчера на асфальте осеннем
Ты упавший листок подняла.

Как он вырезан точно и смело,
Как горит предзакатным огнем!
Ты на свет сквозь него поглядела —
Кровь и золото смешаны в нем.

Может вызвать он гордость и зависть,
Драгоценностью вспыхнуть во мгле...
Как дивились бы, как изумлялись,
Если б был он один на земле!

1956

52 РАССВЕТНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Не ревнуй меня к одиночеству,
Этой ревности не пойму.
Иногда человеку хочется
Одному побыть, одному.

Не кори, что порой рассветною,
В ясной утренней тишине,
С рощей, с тропкой едва заметною
Я встречаюсь наедине.

И, шагая в утреннем свете, я
Вижу, счастлив и одинок,
То, чего бы ни с кем на свете я
Увидать бы вдвоем не смог.

Нет, отшельничества не жажду я,
Не бегу от света во тьму.
Иногда ведь хочется каждому
С миром встретиться одному.

1958

На осеннем рассвете в туман ковыляет дорога,
Оловянные лужи мерцают у дачных оград,
Над опавшей осинкой мигает звезда-недотрога,
И на темных кустах полотенца тумана висят.

Как грустна и просторна земля на осеннем рассвете!
Сам не верю сейчас, в этой сонной предутренней мгле,
Что нашел я тебя на такой необъятной планете,
Что вдвоем мы идем по прекрасной осенней земле.

1957

Рекой разлученные берега
Глядят друг на друга с грустью:
Река широка, река строга —
Одного к другому не пустит.

Пройдут века, иссохнет река,
Подводные травы завянут,
Сойдутся далекие берега,
Обычной сушею станут.

Сойдутся два берега-старика,
Пожалуются при встрече:
— Вот то ли дело — была река,
А нынче умыться нечем.

1957

Из книги
„ЗНАКИ ЗЕМЛИ“

Сошли снега, растаял лед,
Земля строительство ведет.

Как строим дом из кирпичей,
Так, полная своих забот,
Из атомов и из лучей
Земля строительство ведет.

Спят и вздрагивают в ней
Насосы жадные корней
И гонят из подземных нор
К цветам строительный раствор.

Пока в прекрасные слова
Одеть природу хочешь ты,
Здесь создается трава,
Здесь воздвигаются цветы.

С приходом света и тепла
На стройплощадках всех полей
Встают соцветий купола
Над колоннадами стеблей.

Вглядись, взглядишь, к земле припав, —
Зеленый город рвется ввысь,
Сторожевые башни трав
Победно в небо поднялись.

На уровне твоих зрачков —
Балконы алых лепестков,
Зеленые массивы стен,

58 Система шпилей и антенн,
И колокольчик над тобой
Склоняет рупор голубой.

Храните Землю от невзгод —
Земля строительство ведет.

1959

Молчит, сиротлив и обижен,
Ветлы искореженный ствол.
Заброшенный пруд неподвижен
И густ, будто крепкий рассол.

Порою, как сонное диво,
Из тьмы травяной, водяной
Лягушка всплывает лениво,
Блестя огуречной спиной.

Но мальчик пришел
с хворостиной —
И нет на пруду тишины:
Вот каску, обросшую тинной,
Он выудил из глубины.

Без грусти, без всякой заботы,
Улыбкой блестя озорной,
Берет он советской пехоты
Тяжелый убор головной.

Воды зачерпнет деловито —
И слушает, как вода
Струится из каски пробитой
На гладкую плоскость пруда.

О добром, безоблачном небе,
О днях без утрат и невзгод,
Дрожа, как серебряный стебель,
Ему эта струйка поет.

80 Поет ему неторопливо
О том, как всё тихо кругом,
Поет об июне счастливом,
А мне о другом, о другом.

1961

62 СОХРАНЕНИЕ МАТЕРИИ

Мне иногда совсем не нужно
Ни счастья, ни любви, ни дружбы.

Забыв свое предназначенье,
Гляжу на тихое течение.

Гляжу в задумчивом покое
На куст, склоненный над рекою.

И вспоминаю, вспоминаю...
Я что-то помню, что-то знаю.

Трава шуршит, ногой примята,—
А я травой был когда-то,

Землей и небом был когда-то,
Лучом рассвета и заката.

Вы все меня спокойно ждете,
Лишь иногда — сквозь сон — зовете.

И я вернусь, к покою жаден,—
Шкюляр, набегавшийся за день.

Когда моя настанет осень,
Вернусь ко всем, кого я бросил,—

К земле — землей, к траве — травой
И к небу — ясной синевой.

1959

64 ВОДОЕМ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В старинной книге я прочел недавно
О том, как полководец достославный,
Вождь, Искандеру в ратном деле равный,
В былые отдаленные века
Из долгого и трудного похода,
Что длился месяц и четыре года,
На родину привел свои войска.

На двадцать семь дневных полетов птицы
(Доподлинно так в книге говорится)
Он всех врагов отбросил от границы,
И вот с победой в боевом строю
Вернулся он, не знавший поражений,
Склонить пред императором колени
И верность подтвердить ему свою.

Пред летней резиденцией владыки
Расположил он лагерь свой великий,
И, под толпы приветственные клики
Сойдя с лимонногривого коня,
В доспехах медных, дружен и степенен,
Поднялся он по яшмовым ступеням,
Руки движеньем стражу отстраня.

И царь царей, властитель вод и суши,
Тысячелетний этикет нарушив,
Добросердечен и великодушен,
Шагнул к нему — и чашу преподнес
С вином, достойным полководца славы,
С вином без горечи и без отравы,
С древнейшим соком виноградных лоз.

Такой неожиданной чести удостоен,
С поклоном чашу принял старый воин,

Но не пригубил. Сердцем неспокоен,
Он вниз, на луг, невольно бросил взгляд,
Где наклонилась, жаждою влекома,
Над каменною чашей водоема,
Усталая толпа его солдат.

Не с ними ли в походе дальнем пил он
Гнилую воду, смешанную с илом?
Не с ними ли пред смертью равен был он?
Теперь один за всех в почете он.
Он с войском шел по вражескому следу —
И вот не с войском делит он победу, —
От войска он победой отделен!

И что-то в сердце тайно всколыхнулось,
И что-то в нем дремавшее проснулось,
И Справедливость поздняя коснулась
Его своим невидимым крылом:
Мигнув царедворцев и министров,
Сошел он вниз решительно и быстро,
И выплеснул он чашу в водоем.

. . . . .

Тот царь забыт. О давнем том походе
Лишь в книгах мы подробности находим.
Но песнь о старом воине в народе
Звучит еще и в наши времена.
А в водоеме всё вода струится,
И, говорят, донныне в ней хранится
Тончайший привкус древнего вина.

1960

Это северный ветер, ломающий старые вязы,
Как большой вентилятор, гудит за окошком моим,
Через море в тревоге шагает маяк одноглазый,
Чернокрылые тучи, как вороны, вьются над ним.

Выхожу за порог — и гвоздит меня ливень колючий,
И прозрачная тяжесть срывается на плечи мне —
Я, сгибаясь, иду, я ночным ураганом навьючен,
Как волшебный мешок, я тащу этот мир на спине.

В нем трубят корабли, с непогодой вступая в сраженье,
В нем волну отбивают стальные борта лихтеров, —
И сквозь рваные тучи луна к нам идет на сниженье,
Будто белый корабль, прилетевший из дальних миров.

1961

Даря человечество песней,
Забыв и покой и ночлег,
Она без дотаций и пенсий
Вступает в наш атомный век.

И пусть электронному зрению
Доверено многое, но
Все грани любого явления
Искусству лишь видеть дано.

Пока вычислительный робот
Свершает свой верный расчет,
Поэзии пристальный опыт
По тысячам русел течет.

И где-то в работе бессрочной,
Что к легким успехам глуха,
С наукой смыкается точной
Точеная точность стиха.

1960

68 ОТПЕЧАТКИ НА УГЛЕ

Тянулись ввысь из джунглей разорветых
Таинственных растений веера.
Далекое младенчество планеты,
Беспечное ее позавчера.

Не донесли к нам черные скрижали
Великолепя зарослей густых —
Лишь отпечатки тайно удержали,
Лишь знаки отрицательные их.

Чтоб углем стать, за тысячи столетий
Распались их объемы и цвета;
Всей их красы единственный свидетель —
От них оставшаяся пустота.

Как детские ошибки и мечтанья,
Их отписк смутен и неповторим,
Но о былом своем существованье
Они твердят отсутствием своим.

1959

Люблю вагонов и кают
Геометрический уют.
Здесь украшений лишних нет,
Здесь дерево, металл и свет.

Давно пора, давно пора
И жить и строить без прикрас, —
И мудрые конструктора
С природою сближают нас.

В ней тоже ложных нет красот,
Она и в сложности проста;
Нагрузку нужную несет
Ее земная красота.

В ней ухищрений лишних нет:
На маки алые взгляни —
Им до зарезу нужен свет,
Иначе б умерли они.

И лист кленовый вырезной
Прекрасен просто потому,
Что нужен он и в дождь и в зной
Не нам, а клену самому.

Учусь у маков и планет,
У радуги и у листа, —
Ценою миллионов лет
Добыта эта красота,
Добыта эта простота.

1959

70 ЛЮБЛЮ КОРАБЛИ

Домов наших каменным стенам
Земная опора дана;
Фундаментом зыбким и пенным
Под килем лежит глубина.

Чтоб моря седые невзгоды
Людей разделить не могли, —
Всё лучшее взяв от природы,
Воздвиг человек корабли.

Обшитым железною кожей,
Им вечно стремиться вперед, —
В конструкции мирные вложен
На грузы и грозы расчет.

Сквозит в очертаньях упрямых
Вся гордость и сила земли.
Нужней и прекраснее храмов,
Надежней дворцов — корабли.

1960

По копейке — ни много ни мало
 Шла в орлянку лихая игра,
 И квадратное небо сияло
 Над кирпичным колодцем двора.

Вдруг я выхлопы сверху услышал, —
 Будто чудо творя задарма,
 К нам примчался, газуя по крышам,
 Мотогонщик, сошедший с ума.

Вот он выпростал крылья и въехал
 В тот небесный квадрат голубой,
 Многократное рваное эхо
 По задворкам таща за собой.

Тень его, распростершая руки,
 Осенила провалы дворов,
 Канализационные люки
 И сырые поленницы дров.

Был под крыльями воздух спрессован,
 Он слоился, блестел и гудел,
 И, доверясь прозрачным рессорам,
 Человек над землю летел.

И беды никакой не случилось,
 Он давно промелькнул и утих, —
 А старуха тревожно крестилась,
 У помойки ведро опустив.

1960

72 ПУСТЫРЬ

Средь ящиков с битым стеклом,
Среди одуванчиков лысых
Коррозия — рыжая крыса —
Грызет металлический лом.

Торчат из древесной трухи
Меж травок бессильных и сонных
Внимательные лопухи —
Не уши ль слонов погребенных?

А птица летит тяжело
С клочком перепревшей соломы
Сквозь будущих окон стекло,
Сквозь будущих зданий объемы.

Их нет еще на чертеже,
Всё здесь еще хмуро-понуро,
Но просится в небо уже
Грядущая их кубатура.

1960

Смотрите мультфильмы! Там действуют дети и звери,
 Там к доброму егерю зяблик в окошко стучится.
 Правдивая ложь, где всегда я заранее верю
 Во всё, что начнется, всему, что сегодня случится.

Там людям содействуют звезды, там движутся горы,
 Там зло наказуется бесповоротно и сразу, —
 Не надо часами блуждать там наемным актерам
 В не ими придуманных рощах, и вздохах, и фразах.

Там реки и розы умеют грустить и смеяться.
 Там клены и люди, как братья, пускаются в танцы,
 Там добрые чувства и мысли впрямую стремятся
 От пальцев художника в сердце мое — без инстанций.

Искусство грядущего, ты как дитя на рассвете,
 Наставника ждешь. И провижу я кинокартины,
 Где гений карает пороки и чтит добродетель,
 Шекспира с Рембрандтом сливая в себе воедино.

1961

71 ХУДОЖНИК

Не смущаясь большим расстоянием,
Этот мальчишка приходит сюда
Не для встреч и не для расставаний —
Просто любит смотреть поезда.

Под железнодорожным откосом,
Где и маленькой станции нет,
Он стоит, аккуратно причесан
И с опрятностью бедной одет.

Пусть там, дома, смеются, и дразнят,
И добра не пророчат ему,
Он приходит сюда как на праздник —
Удивляться и верить всему.

Будто птица, готовый к полету,
И на цыпочки даже привстав,
Ждет он сказки.

Из-за поворота
Вырастает гремящий состав.

И квадраты горят золотые,
И по насыпи тени плывут,
И на стыках колеса литые
Громогласную песню куют.

И, исполненный гордости буйной,
Так победно трубит в вышине
Паровоз этот, сильный, как буйвол,
С невысоким горбом на спине.

И, подумав, помедлив минуту,
Не ища себе тропки прямой,

Как сквозь сон улыбаясь кому-то, **75**
Отправляется мальчик домой.

Косогором, болотистым лугом
Он к поселку бредет своему,
Молчалив и почти что испуган
Красотой, непонятной ему.

1959

76 ОТРАЖЕНИЕ В РЕКЕ

Река глубокая. Над ней
Прибрежный наклонился сад —
И отражения ветвей
На плоском зеркале лежат.

Порой колышет их волна,
Но, безучастна и темна,
Под пленкою зеркальной спит
Таинственная глубина.

Вот если б лак содрать с волны,
Поверхность зеркала разбить,
Чтоб всю глубину глубины
Цветущий мир отобразить!

1960

Когда-нибудь всё позабуду,
Но это останется вам:
Рассвет, будто тихое чудо,
Ступает по тихим волнам.

И сосенок тени, как лыжни,
От рощицы наискосок
На берег легли неподвижно,
Впечатались в белый песок.

Камней добродушные глыбы
В ночных бородавках росы,
И пахнет непоиманной
рыбой
Вода у песчаной косы,
1960

78 ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ

В прозрачном и праздничном воздухе
На север летят журавли,
Травинок зеленые гвоздики
Проткнулись к нам из-под земли.

Торчат, коротки и не шелковы,
Иголочки ранние трав,
Средь них одуванчики желтые
Встают у дорожных канав.

Встают над весенними лужами,
Просторами удивлены,
Доверчивые, неуклюжие
Посланцы земной глубины.

1960

Осенний дождь — вторые сутки кряду,
И, заключенный в правильный квадрат,
То мечется и рвется за ограду,
То молчаливо облетает сад.

Среди высоких городских строений,
Над ворохами жухлого листа,
Всё целомудренней и откровенней
Деревьев проступает нагота.

Как молода осенняя природа!
Средь мокрых тротуаров и камней
Какая непритворная свобода,
Какая грусть, какая щедрость в ней!

Ей всё впервой, всё у нее — вначале,
Она не вспомнит про ушедший час, —
И счастлива она в своей печали,
И ничего не надо ей от нас.

1960

До обидного жизнь коротка,
Ненадолго венчают на царство, —
От глотка молока — до глотка
Подносимого с плачем лекарства.

Но меж теми глотками — заметь! —
Нам немало на выбор дается:
Можно дома за чаем сидеть,
Можно пить из далеких колодцев.

Если жизнь не легка, не гладка,
Если в жизни шагаешь далеко,
То не так уж она коротка,
И бранить ее было б жестоко.

Через годы, чащобы, пески,
Не боясь ни тумана, ни ветра,
Ты пошел от истоков реки —
И до устья дошел незаметно.

Вот и кончен далекий поход, —
Не лекарство ты пьешь из стакана:
Это губы твои обдает
Горьковатая зыбь Океана.

1961

Один человек мною примечен,
В залив выезжает он каждый вечер.

Он лодку ведет от речного устья,
Он смотрит на воду с тайной грустью.

И чайка, летящая над камышами,
Что-то кричит, его утешая.

Он тихо гребет к заливу, к заливу;
Вода расступается молчаливо.

Ни всплеска весла, ни скрипа уключин,
У лодки ход, как во сне, беззвучен.

Потом он тихо опустит весла,
Сидит — и вьется дым папиросный.

Чего он ждет в тишине залива —
Какого чуда, какого дива?

Зачем не спешит он к устью речному,
К вечернему крову, к тихому дому?

Неужто ждет он, неужто верит,
Что с кем-то вдвоем вернется на берег?

Залив расступается шире, шире,
Стоят маяки в бессонном дозоре...

Кого потерял он в огромном мире?
Кого потерял он в осеннем море?

1961

Никакою тропой не вернуться к тебе, невидимке,
Но, проглянув сквозь годы тревог и неожиданных потерь,
У лесного ручья на случайно удавшемся снимке
Ты стоишь под черемухой в платье, немодном теперь.

В этот утренний лес не вступили еще лесорубы,
В этом небе еще довоенные спят облака.
Вот сейчас улыбнутся по-детски припухлые губы
И движением легким прическу поправит рука.

Может, всё-таки можно к тебе на минутку вернуться,
И со снимка сманить, и войти с тобой в нынешний
год?

...Платья новые шьются, и новые песни поются,
И на старых тропинках полынь молодая растёт.

1961

Редко от радости плачем мы.
Может, один лишь раз
Радость у горя берет взаймы
Слезы в счастливый час.

Ветер шуршит весенней листвою,
Утро зовет в поход,
Радость — честна, радость с лихвой
Горю свой долг вернет.

Но на пороге дальней зимы,
Всё испытав всерьез,
Слезы счастливые вспомним мы —
Горьких не вспомним слез.

1959

Глядя в будущий век, так тревожно ты, сердце,
не бейся:
 Ты умрешь, но любовь на Земле никогда не умрет.
 За своей Эвридикой, погибшей в космическом рейсе,
 Огнечкрылый Орфей отправляется в звездный полет.

Он в пластмассу одет, он в сверхтвердые сплавы
закован,
 И на счетных машинах его программирован путь, —
 Но любовь есть любовь, и подвластен он древним
законам,
 И от техники мудрой печаль не легчает ничуть.

И, сойдя на планете неведомой, страшной и дивной,
 Неземным бездорожьем с мечтою земною своей
 Он шагает в Аид, передатчик включив портативный,
 И зовет Эвридику и песню слагает о ней.

Вкруг него подчиненно нездешние звери толются,
 Трехголовая тварь перепончатым машет крылом,
 И со счетчиком Гейгера в ад внеземных радиаций
 Сквозь леса из кристаллов он держит свой путь
напролом.

...Два зеленые солнца, пылая, встают на рассвете,
 Голубое ущелье безгрешной полно тишиной, —
 И в тоске и надежде идет по далекой планете
 Песнопевец Орфей, окрыленный любовью земной.

1961

Из книги
„СТИХОТВОРЕНИЯ“ 1965 г.

Зверь, в сущности, доволен малым:
Ему нужны еда и сон.
Вовек не станет он Дедалом,
Но и не сбросит бомбы он.

Но человечество особый
Собой являет род и вид:
Меж доброй мудростью и злобой
Здесь бездна целая лежит.

Из одного как будто теста,
Да вот припек у всех иной:
Есть люди — выше Эвереста,
Есть — ниже ямы выгребной.

Но мы взрывать не будем горы,
Чтоб их с низинами сравнять,
Чтоб стала жизнь равниной голой,
Где тишь болотная да гладь.

Нет, мы хотим, чтоб на планете
Все были в помыслах чисты,
Чтобы для всех настал на свете
Век мудрости и доброты!

Чтоб не вершиной одинокой,
Не ямою у входа в храм, —
Чтоб каждый стал горой высокой,
Но дружественной всем горам!

1962

88 СПРОСИЛ У ПАМЯТИ

Стоит ли былое вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?..
Всё равно — упавших не поднять,
Всё равно — ушедших не вернуть.

И сказала память:

«Я могу
Всё забыть, но нищим станешь ты.
Я твои богатства стерегу,
Я тебя храню от слепоты».

. . . . .

В трудный час, на перепутьях лет,
На подмогу совести своей
Мы зовем былое на совет,
Мы зовем из прошлого друзей.

И друзья, чьи отлетели дни,
Слышат зов — и покидают ночь.
Мы им не поможем, но они
К нам приходят, чтобы нам помочь.

1963

1

Загляну в знакомый двор,
Как в забытый сон.
Я здесь не был с давних пор,
С молодых времен.

Над поленницами дров
Вдоль сырой стены
Карты сказочных миров
Запечатлены.

Эти стены много лет
На себе хранят
То, о чем забыл проспект
И забыл фасад.

Знаки счастья и беды,
Память давних лет —
Детских мячиков следы
И бомбежки след.

2

Ленинградские дворы,
Сорок первый год,
Холостяцкие пиры,
Скрип ночных ворот.

Но зывают рупора,
Поезда трубят —
Не пора ли со двора
В райвоенкомат!

90 Что там плачет у ворот
Девушка одна?
— Верь мне, года не пройдет —
Кончится война.

Как вернусь я через год —
Выглянь из окна,

Мы с победою придем
В этот старый дом,
Патефоны заведем,
Сходим за вином.

3

Здравствуй, двор, прощай, война.
Сорок пятый год.
Только что же у окна
Девушка не ждет?

Чья-то комната во мгле,
И закрыта дверь.

Ты ее на всей земле
Не найдешь теперь.

Карты сказочных планет
Смотрят со стены, —
Но на них — осколков след,
Клинопись войны.

4

Старый двор, забытый сон,
Ласточек полет,
На окне магнитофон
Про любовь поет,

Над поленницами дров
Бережет стена
Карты призрачных миров,
Ливней письмамена.

И струится в старый двор
Предвечерний свет...
Всё — как было с давних пор,
Но кого-то нет.

Чьих-то легоньких шагов
Затерялся след
У далеких берегов
Сказочных планет.

Средь неведомых лугов,
В вечной тишине...

Тени легких облаков
Пляшут на стене.

1963

Не пиши о том, что под боком,
Что изведено вполне, —
Ты гони стихи за облаком,
Приучай их к вышине.

†

Над горами и над пашнями
Пусть взвиваются они, —
Ты стихи не одомашнивай,
На уют их не мани!

Не давай кормиться около
Мелких радостей и смут, —
Пусть взмывают, будто соколы,
В холод, в синий неуют!

Изнемоги и заиндевей,
С неподкупной вышины
То, что никому не видимо,
Разглядеть они должны!

1963

Умей, умеи себе приказывать,
Муштруй себя, а не вынянчивай.
Умей, умеи себе отказывать
В успехах верных, но обманчивых.

Умей отказываться начисто,
Не убоясь и одиночества,
От неподсудного ловкачества,
От сахара легкиx почестей.

От ласки, платой озабоченной,
И от любви, достаток любящей,
И от ливреи позолоченной
Отказывайся — даже в рубище.

От чьей-то равнодушной помощи,
От чьей-то выморочной сущности...
Отказывайся — даже тонущий —
От недруга руки тянущейся!

1963

94 ЛИЧНЫЙ ВРАГ

Не наживай дурных приятелей —
Уж лучше заведи врага:
Он постоянной и внимательней,
Его направленность строга.

Он учит зоркости и ясности, —
И вот ты обретаешь дар
В час неподвиженной опасности
Платить ударом за удар.

Но в мире и такое видано:
Добром становится беда,
Порою к дружбе неожиданно
Приводит честная вражда.

Не бойся жизни, но внимательно
Свою дорогу огляди.
Не наживай дурных приятелей —
Врага уж лучше заведи.

1961

Окрестность думает стихами,
Но мы не разбираем слов.
То нарастает, то стихает
Шальная ритмика ветров.

Неся дожди на берег дымный,
В раструбы раковин трубя,
Моря себе слагают гимны —
И сами слушают себя.

И скачут горные потоки
По выступам и валунам,
Твердя прерывистые строки, —
Но только грохот слышен нам.

Лишь в день прощанья, в час ухода,
В миг расставальной тишины
Не шумы, а стихи природы,
Быть может, каждому слышны.

В них сплетены и гром и шорох
В словесную живую нить, —
В те строки тайные, которых
Нам негде будет разгласить.

1962

Не привыкайте к чудесам —
Дивитесь им, дивитесь!
Не привыкайте к небесам,
Глазами к ним тянитесь.

Приглядывайтесь к облакам,
Прислушивайтесь к птицам,
Прикладывайтесь к родникам, —
Ничто не повторится.

За мигом миг, за шагом шаг
Впадайте в изумленье.
Всё будет так — и всё не так
Через одно мгновенье.

1964

На откосе крутого оврага,
Там, где не было встреч и разлук,
Красота, как медовая брага,
Закружила мне голову вдруг.

Я шагнул по нетоптаной глине,
Я нагнулся — и чистый родник,
Одинокó журчавший доныне,
Благодарно к ладоням приник.

И в кипенье, в хрустальных изломах,
Отразил он сверкание дня,
И доверчиво ветви черемух
Наклонились, касаясь меня.

Их цветы засияли, как звезды,
Будто славя рожденье свое, —
Будто я красоту эту создал
Тем, что первым увидел ее...

1963

Мы взглядом простор окинем,
Взойдя на бархан крутой.
Весною цветет пустыня,
Казавшаяся пустой.

Растенья-эфемериды
Так рады, выйдя на свет, —
Для грусти и для обиды
Минутки свободной нет.

Не жить им в разгаре лета,
Никто не обережет, —
Но травы тянутся к свету,
К солнцу, что их сожжет.

В их жизни, такой недлинной,
Многое им дано, —
Как мед в бутылки старинной,
Время их сгущено.

И рады они, как дети,
И славят ясные дни,
И пресного долголетия
Не просят себе они.

1963

Не зная дорог и обочин,
Шагаю в лесной глубине.
Какие просторные ночи
Подарены осенью мне!

Под этим таинственным кровом
Земля — словно дальняя весть,
Весь мир темнотой зашифрован,
Его невозможно прочесть.

Он полон надежд и наитий,
В нем нет ни вещей, ни имен,
Он праздничен и первобытен,
Как в детстве приснившийся сон.

В нем спутала все расстоянья
Ночная нестрашная мгла —
Чтоб тайная радость незнания,
Как в сказке, к открытъям вела.

1962

Как тревожно трубят старики паровозы,
Будто мамонты, чуя свое вымирание,—
И ложится на шпалы, сгущается в слезы
Их прерывистое паровое дыханье.

А по насыпи дальней неумоимо,
Будто сами собой, будто с горки незримой,
Так легко электрички проносятся мимо —
Заводные игрушки без пара и дыма.

И из тучи, над аэродромом нависшей,
Устремляются в ночь стреловидные крылья.
Приближая движенье к поэзии высшей,
Где видна только сила, но скрыты усилья.

1962

Это легкое небо — как встарь над моей головой,
Лишь оно не стареет с годами, с летами.
Порастанут озера высокой, спокойной травой,
Зарастанут они водяными цветами.

Ты на камне стояла, звала меня смуглой рукой,
Ни о чем не грустя и сама себя толком не зная.
Отраженная в озере, только здесь ты осталась такой, —
На земле ты иная, иная, иная.

Только здесь ты еще мне верна, ты еще мне видна,
Но из глуби подкрадывается забвенье.
Не спеша к тебе тянутся тихие травы со дна,
Прорастанут кувшинки сквозь твое отраженье.

1964

102 ОСТРОВА ВОСПОМИНАНИЙ

В бесконечном океане
Пролегает курс прямой.
Острова Воспоминаний
Остаются за кормой.

Там дворцы и колоннады,
Там в цветы воплощены
Все минувшие улады
И несбывшиеся сны.

Но, держа свой путь в тумане,
Бурями держа свой путь,
К Островам Воспоминаний
Ты не вздумай повернуть!

Знай — по мере приближенья
Покосятся купола,
Рухнут стройные строенья —
Те, что память возвела.

Станет мир немым и пресным,
Луч померкнет на лету,
Девушка с лицом прелестным
Отшатнется в пустоту.

И, повеяв мертвечиной,
В сером пепле, нищ и наг,
Канет в черную пучину
Сказочный архипелаг.

Ты восплачешь, удрученный, —
В сердце пусто и темно,
Словно бурей мегатонной
Всё бывшее сметено...

. . . . .

Знай — в минувшем нет покоя.
Ты средь штормов и тревог
Береги свое бывшее —
Не ищи к нему дорог.

Только тот, кто трудный, дальний
Держит путь среди зыбей,
Острова Воспоминаний
Сохранит в душе своей.

1962

А где-то там, куда нам не вернуться —
В далеком детстве, в юности, вдали,—
По-прежнему ревнуют, и смеются,
И верят, что придут корабли.

У возраста туда не отпроситься,—
А там не смяты травы на лугу,
И Пенелопа в выгоревшем ситце
Всё ждет меня на давнем берегу.

Сидит, руками охватив колено,
Лицом к неугасающей заре,
Нерукотворна, неприкосновенна,—
Как мотылек, увязший в янтаре.

1962

Из книги
„СВОДЫ“

Дорога может быть проложена
Одним — его забудут имя.
А после сколько будет хожено
И ежено по ней другими!

Чем путь верней и несомненное —
Следов тем больше остается,
И тем трудней под наслоениями
Увидеть след первопроходца.

Но пешеходная ли, санная
Или с фельдъегерскою прытью —
Дорога будет та же самая,
Меняться будут лишь события.

Она бульбою оденется,
Потом гудрон на щебень ляжет —
Не раз ее одежда сменится,
Но суть останется всё та же.

На ней делиться будут мыслями,
Спешить на свадьбы и сражения,
Смеяться, плакать — независимо
От способа передвижения.

. . . . .
Автомобильная механика
Придет на смену тяге конной, —
А там следы босого странника
Лежат под лентою бетонной.

Костер, похрустывая ветками,
Мне память тайную тревожит, —
Он был зажжен в пещерах предками
У горно-каменных подножий.

Как трудно было им, единственным,
На человеческом рассвете,
На неуютной и таинственной,
На необстроенной планете.

Быть может, там был каждый гением
(Бездарность выжила б едва ли), —
С таким бессмертным удивлением
Они нам Землю открывали.

На них презрительными мордами,
Как на случайное уродство,
Посматривали звери, гордые
Своим косматым первородством.

Мы стали опытными, взрослыми,
А предки шли призывниками,
Как смертники, на подвиг посланные
Предшествующими веками.

...Еще не поклонялись идолам,
Еще анналов не писали...
А Прометей был после выдуман, —
Огонь они добыли сами.

1965

Путь капли по стеклу и путь огня в лесу.
Путь падающих звезд в душе своей несущу,
Путь горного ручья, бегущего к реке,
И тихий путь слезы, скользящей по щеке.

Путь пули и пчелы несущу в душе своей,
Пути ушедших лет, пути грядущих дней;
Шаги чужих невзгод и радостей чужих
Вплетаются в мой шаг, и не уйти от них.

Пусть тысячи путей вторгаются в мой путь,
Но если бы я смог минувшее вернуть,
Его б я выбрал вновь — неверный,

непрямой:

Он мой последний путь и первопуток мой.

110 НАСЛЕДУЮЩИЙ ЗЕМЛЮ

Воспеваем всякий транспорт,
Едущих на нем и в нем,
И романтикой пространства
Нынче век заморожен.

Но пока летаем, ездим
И других зовем, в полет,
Кто-то трудится на месте
И безвыездно живет.

Он отцовского селенья
Не сменял на города,
И не ждет перемещенья,
И не мчится никуда.

По изведанным полянам
Он шагает, как в дому,
И травинки крупным планом
Открываются ему.

И пока спешим и спорим,
Одному ему слышна
Наливающихся зерен
Трудовая тишина.

Раньше всех он что-то понял,
Что-то в сердце уберег, —
И восходит символ Поля
Над символичкой дорог.

1965

Статистика, строгая муза,
Ты реешь над каждой судьбой.
Ничто для тебя не обуза,
Никто не обижен тобой.

Не всматриваешься ты в лица
И в душу не лезешь, а всё ж
Для каждой людской единицы
В таблицах ты место найдешь.

В рядах твоей жесткой цифири,
В подсчеты и сводки включен,
Живу я, единственный в мире,
Но имя мое — легион.

Умру — и меня понемногу
Забудут друзья и родня.
Статистика, муза Итогов,
Лишь ты не забудешь меня!

В простор без конца и границы,
Бессмертной дорогой живых
Шагает моя единица
В дивизиях чисел твоих.

1966

Снимая тела и конечности,
И лица недобрых и добрых,
У всепобеждающей вечности
Мгновенья ворует фотограф.

Ты здесь посерьезнел, осунулся,
Но там, словно в утренней дымке,
Живешь в нескончаемой юности
На тихо тускнеющем снимке.

Там белою магией магния,
Короткою вспышкой слепую
Ты явлен из времени давнего
На очную ставку с собою.

Вглядись почестней и попристальней
В черты отдаленного брата, —
Ведь всё еще слышится издали
Внезапный щелчок аппарата.

1965

ПРАЗДНИК НА ЕЛАГИНОМ ОСТРОВЕ

113

Ракеты взлетают над лугом,
Над парком летят наугад.
Смотри, с каким детским испугом
За ними деревья следят.

Как будто сегодня не праздник,
И новый надвинулся бой,
Как будто готовятся к казни,
Не зная вины за собой.

Они улететь бы хотели
От этих веселых зарниц;
Трепещут их зыбкие тени
Крылами испуганных птиц.

Как будто в их памяти тайной
Под взлет карнавальных ракет
Зажегся тревожно-печальный
Военный, не праздничный свет.

1965

Нам снится не то, что хочется нам,—
Нам снится то, что хочется снам.

На нас до сих пор военные сны
Как пулеметы наведены.

Они нас вталкивают в поезда,
Везут, не спрашивая куда.

И снятся пожары тем, кто ослеп,
И сытому снится блокадный хлеб.

И те, от кого мы вестей не ждем,
Во сне к нам запросто входят в дом.

Входят друзья довоенных лет,
Не зная, что их на свете нет.

И снаряд, от которого случай спас,
Осколком во сне настигает нас.

И, вздрогнув, мы долго лежим во мгле —
Меж явью и сном, на ничьей земле.

1966

Нас женщины в путь провожают
Порой на года, на года —
И словно заранее знают,
Где нас ожидает беда.

Негромкие их наставленья,
Улыбки встревоженных лиц
За нами летят в отдаленье,
Как стая невидимых птиц.

Где помощи нет ниоткуда,
Где ждет нас последняя тьма —
Порой совершается чудо,
Опасность уходит сама.

Она за крутым поворотом
Скрывается, нас не губя, —
Как будто вспугнул ее кто-то
Иль принял ее на себя.

И снова ночные скрижали
Струят утешительный свет.
А тех, кто нас в путь провожали,
Быть может, в живых уже нет.

1966

Под Кирка-Муола ударил снаряд
В штабную землянку полка.
Отрыли нас. Мертвыми трое лежат.
А я лишь контужен слегка.

Удача. С тех пор я живу и живу,
Здоровый и прочный на вид.
Но что, если всё это — не наяву,
А именно я был убит?

Что, если сейчас уцелевший сосед
Меня в волокуше везет,
И снится мне сон мой, удачливый бред
Лет эдак на двадцать вперед?

Запнется товарищ на резком ветру,
Болотная чвякнет вода, —
И я от толчка вдруг очнусь — и умру,
И всё оборвется тогда.

1958

В кинозал, в нумерованный рай,
Я войду и усядусь на место.
Я ведь зритель — мне что ни играй,
Всё равно мне смотреть интересно.

Знаю, кончится дело добром,
И героя звезда не угаснет.
Но подалее, на плане втором,
Будет будничней всё и опасней.

Вдруг возникнет болотная гать,
Напряженно-усталые лица.
Пулемет, не умеющий лгать,
Застрочит — и нигде не укрыться.

И покуда ведущий артист
Обзаводится нужною раной,
Нанятой за десятку статист
Упадет и не встанет с экрана.

И оттуда на теплый балкон,
И в партер и в уютные ложи
Вдруг потянет таким сквозняком,
От которого холод по коже.

1965

Отступление от Вуотты,
 Полыхающие дома...
 У реки сидел без заботы
 Человек, сошедший с ума.

Мир не стоил его вниманья,
 И навеки отхлынул страх,
 И улыбка всепониманья
 На его блуждала устах.

Он молчал, как бессмертный Будда,
 Все сомненья швырнув на дно, —
 Это нам было очень худо,
 А ему уже — всё равно.

Было жаль того человека,
 В ночь ушедшего дотемна, —
 Не мертвец был и не калека,
 Только душу взяла война.

• • • • •
 Не от горя, не от оружия,
 Не от ноши не по плечу —
 От безумного равнодушья
 Я себя уберечь хочу.

В мире радостей и страданья,
 В мире поисков без конца
 Я улыбку всепониманья
 Терпеливо гоню с лица.

1969

ДОМ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ   119
НА СНОС

Двери — настезь, песни спеты,
Счетчики отключены,
Все картины, все портреты
Молча сняты со стены.

Выехали все живые,
Мебель вывезли — и весь
Этот дом вручен впервые
Тем, кто прежде жили здесь.

Тем, кто в глубину погоста
Отошли на все века...
(А под краской — метки роста
У дверного косяка...)

В холодке безлюдных комнат
Не осталось их теней,
Но слои обоев помнят
Смены жизней и семей.

Здесь покоя не ищите
В упаковке тишины,—
Здесь взрывчаткою событий
Этажи начинены.

Здесь — загадка на загадке,
Свет и тьма, добро и зло...
Бьет мальчишка из рогатки
В запыленное стекло.

1965

Екатерине Григорьевой

Отлетим на года, на века,—
Может быть, вот сейчас, вот сейчас
Дымно-огненные облака
Проплывут под ногами у нас.

И вернемся, вернемся опять
Хоть на час, хоть на десять минут.
Ничего на Земле не узнать,
В нашем доме другие живут.

В мире нашем другие живут,
В море нашем — не те корабли.
Нас не видят, и не узнают,
И не помнят, где нас погребли.

Не встречают нас в прежнем жилье
Ни цветами, ни градом камней,—
И не знает никто на Земле,
Что мы счастливы были на ней.

1967

Уже не помнят Лядумега,
Уже забыли наповал.
А как он бегал! Как он бегал!
Какую скорость выдавал!

Растут рекорды понемножку, —
И, новой силою полны,
По тем же гаревым дорожкам
Другие мчатся бегуны.

Бегут спортсмены молодые,
Легки, как ветер на лугу, —
Себе медали золотые
Они чеканят на бегу.

А славу в ящик не положишь,
Она жива, она жива, —
К тем, кто сильнее и моложе,
Она уходит — и права.

Она не знает вечных истин,
За нею следом не гонись.
Она сменяется, как листья
На древе, тянущемся ввысь.

Памятник изобретателю велосипеда
нигде не поставлен.

С п р а в к а

В прунт проселочной дороги
Тонкий вдавливая след,
Круторогий, круглоногий
Едет мой велосипед.

Автор стал бесплотной тенью,
Незаметностью земной,
Но его изобретенье
Мчится по лесу со мной.

По дорожке над болотом
Еду я на нем чуть свет,
Смазан маслом и тавотом
Памятник-велосипед.

Не поставлю у могилы
Поминальную свечу, —
Я ногами что есть силы
Этот памятник кручу.

Он не ищет скучной славы,
Этот памятник стальной, —
Этот памятник в канавы
Часто падает со мной.

С ним весною у тропинок
Мну короткую траву,
С ним осенних паутинок
Ленту финишную рву.

И душа движенью рада,
И просторен белый свет.

Монументов мне не надо —
Мне б создать велосипед.

1967

124 ВАСИЛИЮ
ТРЕДИАКОВСКОМУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

1. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК,
ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ

А Муза так еще бедна...
За доброе и за худое
Одной монетою — бедою —
Расплачивается она.

Она безгласна и слепа,
У ней ни прав, ни полномочий,
И путь ее — еще тропа,
Петляющая среди ночи.

Ее дорога так долга
Из тьмы низин до выси горной!..
Ей нужен пристальный слуга,
Ей нужен проводник покорный.

И некто, слыша смутный зов,
Уйдет из Астрахани дальней,
Он явится во град Петров —
Сей поводырь многострадальный!

Он Музе даст любовь и гнев,
Вдохнет в нее свое дыханье.
Она прозреет — и, прозрев,
Его пошлет на поруганье.

2. БЕЗДЕНЕЖЬЕ В ГААГЕ

Чужие дома и камня,
Чужие слова и хлеба.

Голодное сердцебиенье,
Навязчивое, как судьба.

От долгого недоедания —
 Как вага, в ушах глухота,
 В глазах — мельтешенье, мельканье.
 Качаются, плаваются зданья,
 Перила дрожат у моста.

И крыльями мельницы машут,
 Всё машут и машут в глазах,
 И зыбкие зайчишки пляшут
 На яликах и парусах.

Еды здесь кругом изобилье,
 Да если б была даровой...
 А мельниц широкие крылья,
 Покрытые серою пылью,
 Всё вертятся над головой.

На складах чернеют засовы,
 Смоленные весла скрипят.
 Ты беден. Ни хлеба, ни крова,
 Ни рыбки тебе от улова...
 А мельницы — серые совы —
 На крыльях неслышных летят.

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Скончу на флейте стихи печальны,
 Зря на Россию чрез страны дальны...
 В. Тредиakovский, 1728

Не токмо горе взоры туманит,—
 Порой и радость слезою канет,
 Падет слезою на камни улиц,
 На стогны прада, в кой мы вернулись.

О возвращенья святые слезы
 В родные глади, в родные грозды!

126 Ошую гляну иль одесную —
Узреть не тшуь я красу иную.

В свой край вернувшись сквозь все препоны,
Мы умиляться душою склонны.
Сколь мы в разлуках ни уязвленны —
Все уврачуют родные стены.

Обрел я дни свои и ночлеги
В Санктпитебурхе на невском бреге, —
Его приятства забыть мне лъзя ли,
Кои пиита за сердце взяли!

Далече Гага, Париж далече,
Самою Музой я здесь привечен.
Ах, сколь отрадны сии приметы,
Генварь в натуре, а в сердце — лето.

4. НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

Поэтом нулевого цикла
Я б Тредьяковского назвал.

Еще строенья не возникло —
Ни комнат, ни парадных зал.

Еще здесь не фундамент даже —
Лишь яма, зыбкий котлован...
Когда на камень камень ляжет?
Когда осуществится план?

Он, сильный, — ниже всех бессильных;
Свою работу он ведет
На уровне червей могильных,
На линии грунтовых вод.

Он трудится, не зная смены,
Чтоб над мирской юдолью слез
Свои торжественные стены
Дворец Поэзии вознес.

И чем черней его работа,
Чем больше он претерпит бед —
Тем выше слава ждет кого-то,
Кто не рожден еще на свет.

5. УКРОЩЕНИЕ СЛОВ

В душе зарождается песня,
Но будущей песни слова
Пасутся, как дикие кони,
На пестром лугу бытия.

То бродят, то куда-то скачут
Табуны непойманных слов.
Топот их упругий нестроен,
Нет в нем ритмики.

Задача трудна у поэта:
На каждого коня
Рукой не жесткой, но твердой
Он должен набросить аркан.

Он должен коней дерзновенных
Построить в порядке таком,
Чтоб в лад их копыта стучали
И чтоб не сбивались с пути.

Он должен коням укрощенным
Отменную выучку дать,
Оставить в них гордость и силу,
Но рифмами крепко взнуздать.

128 А после поэт в колесницу
Впряжет усмирённых коней,—
И всё, что душе его снится,
Поведаёт в песне своей.

6. УГОЛЬЯ

В своей угодливости вязкой
Порою жалок ты, пиит.
Но за одической маской
Взор прорицателя горит.

Всё восклицанья, уверенья
И похвала на похвале,—
И вдруг блеснет огонь прозренья
В дифирамбической золе.

Слова тревоги и печали
Жгут, будто уголья в горсти.
И легче быть за них в опале,
Чем вслух их не произнести.

7. КВАДРАТИК

...Тредиаковский смотрит хмуро —
Не ко двору он при дворе.
Поэт, конечно, не фигура
В дворцовой шахматной игре.

Он кто? Не пешка проходная,
Не конь, не слон и не король.
Ах, у него совсем иная,
Невыдающаяся роль.

Он стихотворным занят вздором,
Он беден, он простерт в грязи,—

Он тот квадратик, по которым
Ступают пешки и ферзи.

Но всё так суетно и бренно —
Фигуры, судьбы, ипроки...
Всех побеждает неизменно
Пространство шахматной доски.

У белых ли, у черных счастье —
Решают в споре мастера,
Но умирают обе масти,
Когда кончается игра.

И время — судия всезрящий, —
Смешав и деготь и елей,
Кладет в один и тот же ящик
Двух враждовавших королей.

От коронаций до агоний
Веками выверен маршрут.
Мрут царедворцы, гибнут кони —
И лишь квадратики живут.

8. ОПАЛА

Накоплен веком горький опыт,
Прямой опасен разговор.
Наоборот прочтите ропот —
И обозначится топор.

Но, кроме смерти, есть опала,
И от нее не жди добра:
Кого она к рукам прибрала —
Как бы казнен без топора.

Из мира, где царят и судят,
Она ведет в подвальный мрак,

130 В мир еле теплящихся судеб,
В мир приживалок и собак.

Она тебя загонит в угол,
Огонь погасит дотемна,
Она теперь твоя подруга,
Твоя владычица она.

9. УСПОКОЕНИЕ

На крестах и на плитах иной,
Не прочесть, кто лежит под ними.
Спят отважные, спят неважные,
Выюга треплет венки бумажные.

Над холопами, над министрами
Вьется выюга белыми искрами.
Под землей, снежком запорошенной,
Спят плохие и спят хорошие.

Спят до старости жизнь любившие,
Спят и сами себя убившие,
Спят последний армяк пропившие,
Спят хоромы себе нажившие,
Спят на баржи дрова грузившие,
Спят стихи о себе сложившие.

Замогильная, заоградная
Уравниловка беспощадная.

10. СВЯЗНОЙ

Меж настоящим и грядущим
Природа стену возвела.
Никто за стену не допущен —
Хвала напрасна и хула.

Нам кажется она прозрачной:
Там, за хрустальной корой,
Мир, то сияющий, то мрачный,
Приоткрывается порой.

А ежели она зеркальна?
Я вглядываюсь — в ней до дна,
Как новоявленная тайна,
Былая жизнь отражена.

И, словно будущим рожденный,
Из прошлого — навстречу мне —
Гонец шагает, отраженный
В зеркально-зыбкой глубине.

Он из былого, из былого
Спешит, бесхитростный связной,
Неся неведомое слово,
Еще не сказанное мной.

1958 — 1966

Льдина — хрупкая старуха —
Будет морю отдана.
Под ее зеркальным брюхом
Ходит гулкая волна.

Всё худеет, всё худеет,
Стала скучной и больной.
А умрет — помолодеет,
Станет морем и волной.

Улыбнется из колодца, —
Мол, живется ничего.
Так бессмертие дается
Всем, не ищущим его.

...Глянет радугой прекрасной
В окна комнаты моей:
Ты жалел меня напрасно,
Самого себя жалеи.

1966

В этом парке стоит тишина,
Но чернеют на фоне заката
Ветки голые — как письма,
Как невнятная скоропись чья-то.

Осень листья с ветвей убрала,
Но в своем доброхотстве великом
Вместо лиственной речи дала
Эту письменность кленам и липам.

Только с нами нарушена связь,
И от нашего разума скрыто,
Что таит эта древняя вязь
Зашифрованного алфавита.

Может, осень, как скорбная мать,
Шлет кому-то слова утешений, —
Лишь тому их дано понимать,
Кто листья не услышит весенней.

1966

Навек накрыв собой материки и воды,
Глядит небесный свод на все земные своды,
И солнца луч скользит, нетороплив и нежащ,
Над сводами мостов, дворцов, бомбоубежищ.

Висит небесный свод, как и во время оно,
Над сводами аллей — пристанищем влюбленных,
Над сводами церквей, высоко вознесенных,
Над сводами цехов, над сводами законов.

Пусть тать отбудет срок, покинет свод темницы,
Пусть Лазарь, воскресясь, покинет свод гробницы,
Пусть Нестор кончит труд под сводом кельи тесной, —
И вновь над нами свод, на этот раз — небесный.

Последний, вечный свод над ними и над нами,
На миллиарды лет пронизанный мирами.
Метну в его простор фотонную ракету —
Но нет пределов тьме и нет предела свету.

О, как мне разглядеть неясный лик природы?
Куда ни погляжу — повсюду своды, своды...
И даже свод небес разгадке не поможет:
Ведь это тоже свод, — а дальше, дальше что же?

1966

Мне сон приснился мрачный,
Мне снилась дичь и чушь,
Мне снилось, будто врач я
И бог еще к тому ж.

Ко мне больные реки
Явились на прием,
Вползли ручки-калеки
В мой сумеречный дом.

К ногам моим припали,
Чтоб спас я от беды,
От едких химикалий
Ослепшие пруды.

Явились, мне на горе,
За помощью моей
Тюльпаны плоскогорий
И лилии полей.

Топча мою жилплощадь,
Пришли, внушая страх,
Обугленные рощи
На черных костылях.

Я мучился с больными —
Ничем помочь не мог.
Я видел — горе с ними,
Но я ведь только бог.

136 И я сказал: «Идите
Из комнаты моей
И у людей ищите
Защиты от людей».

1965

Природа неслышно уходит от нас.
Уходит, как девочка с праздника взрослых.
Уходит. Никто ей вдогонку не послан.
Стыдливо и молча уходит от нас.

Оставив деревья в садах городских
(Заложников — иль соглядатаев тайных?),
Уходит от камня, от взоров людских,
От наших чудес и от строчек похвальных.

Она отступает, покорно-скромна...
А может, мы толком ее и не знали?
А вдруг затаила обиду она
И ждет, что случится неладное с нами?

Чуть что — в наступленье пойдут из пустынь
Ползучие тернии — им не впервые,
И маки на крыши взлетят, и полынь
Вопьется в асфальтовые мостовые.

И в некий, не мною назначенный год,
В места наших встреч, и трудов, и прощаний
Зеленое воинство леса войдет,
Совиные гнезда неся под плащами.

1965

Природа всё учла и взвесила,
Вы, легкодумные стрелки,
Не нарушайте равновесия
И зря не жмите на курки.

Вот кружит ястреб. Вредный вроде бы,
Но пусть летает невредим:
Кому-то вреден, а природе он
Полезен и необходим.

Ты рай себе уютный выстроил,
Но без тревог не проживешь.
Убьешь печаль — но тем же выстрелом
И радость, может быть, убьешь.

1966

В дни, когда мне становится грустно и трудно
 И душа упирается в тихий тупик,
 Не брожу я по улицам шумным и людным,
 Не читаю я душеспасительных книг.

Я за город шагаю — туда, где упрямо
 На откосы карабкаются сорняки,
 Там, где кладбища, бойни, где сточные ямы,
 Где пакгаузы, свалки и тупики.

Там, на стыке владений людей и природы,
 Сокровенней раздумья, обиды больней,
 Но сквозь грусть, как в далекие детские годы,
 Что-то мнится душе, что-то видится ей.

И авральная в ней закипает работа,
 И сигнальный вдали загорается свет,
 Эта грусть ей нужна, как площадка для взлета,
 И не надо сочувствий и добрых примет.

Вот она уже вровень парит с облаками,
 Озирая просторы владений своих...
 Пусть дороги оканчиваются тупиками,
 Но порою они начинаются с них!

1962

Стою на крутом виадуке,
Как будто подброшенный ввысь.
Внизу там — речные излучки,
Там' рельсы, как струи, слились.

Там горбится снег подзаборный
И плачет, ручьи распустив;
Там плавает лебедем черным
Маневровый локомотив.

Пакгаузы, мир привокзалья,
Цистерны — как поплавки.
С какой деловитой печалью
Звучат из тумана гудки!

И мне так просторно и грустно,
Как будто во сне я стою
Среди ледоходного хруста,
У счастья на самом краю.

И тянет с туманных перронов
Весенней прохладой речной,
И мокрые спины вагонов,
Качаясь, плывут подо мной.

1966

Скромная звезда печали
Смотрится в мое окно.
Всё, о чем мы умолчали, —
Всё ей ведомо давно.

Всё, чем это сердце бьется,
Всё, о чем забыть хочу,
Прямо к ней передается
По незримому лучу.

Там я взвешен и исчислен,
Спрограммирован дотла,
Там мои читают мысли,
Знают все мои дела.

Там в хрустальных коридорах
Крылья белые шуршат,
У светящихся приборов
Там дежурные не спят.

Из иного измеренья,
Из холодного огня
Ангел долгого терпенья
Грустно смотрит на меня.

Может, скоро в дали дальней,
Сверив час и сверив год,
Он с улыбкою прощальной
Кнопку черную нажмет.

Если помнить всё на свете,
Ставить всё в вину судьбе,—
Мы бы, как в потемках дети,
Заблудились бы в себе.

Утонув в обидах мелких,
Позабыв дороги все,
Мы кружились бы, как белки
В безысходном колесе.

Памяти союзник строгий
Забывание — оно
За нее всегда в тревоге,
Вечно вдаль устремлено.

Глядя в облачные дали,
Слыша дальние грома,
Зерна счастья и печали
Честно сыпьте в закрома,—

Отметая от бывшего
За незримую черту
Цепкой зависти полову,
Мелких распрей суету.

Очищайте забываньем
Закрома души своей,—
Чтобы хлеб воспоминаний
Не горчил на склоне дней.

1

Что предание говорит?
Прежде Евы была Лилит.

Прежде Евы Лилит была —
Та, что яблока не рвала,

Не женой была, не женой, —
Стороной прошла, стороной.

Не из глины, не из ребра —
Из рассветного серебра.

Улыбнулась из тростника —
И пропала на все века.

2

Всё в раю как будто бы есть,
Да чего-то как будто нет.
Всё здесь можно и пить и есть —
На одно лишь в раю запрет.

Ходит Ева средь райских роз,
Светит яблоко из ветвей.
Прямо с яблони змей-завхоз
Искушающе шепчет ей:

— Слушай, я же не укушу,
Скушай яблочко задарма,
Я в усушку его спишу —
Мы ведь тоже не без ума.

144 Ева яблоко сорвала —
Затуманился райский дол.
Бог ракеты «небо—земля»
На искомый квадрат навел.

Бог на красные кнопки жмет —
Пламя райские рощи жнет.
Бог на пульте включил реле —
Больше рая нет на земле.

Убегает с Евой Адам —
Дым и пепел по их следам.

3

У Адама с Евой — семья,
Подрастающие сыновья.

Скот мычит, колосится рожь,
Дремлет Авель, сев на пенек.

Каин в елку втыкает нож —
Тренируется паренек.

Объезжает Адам коней,
Конструирует первый плот.

— А в раю-то было скучней —
Ты помог нам, запретный плод!

А в раю-то было пресней, —
Заработанный хлеб — вкусней.

А в раю-то мы спали врозь, —
Этот рай — оторви да брось!

Улетающие журавли
Прокурлькали над рекой.
Электричка прошла вдали —
И опять на земле покой.

На рыбалке Адам сидит,
Сквозь огонь в темноту глядит.

Кто там плачет в костре ночном,
Косы рыжие разметав?
Кто грустит в тростнике речном,
Шелестит в осенних кустах?

Кто из облака смотрит вниз,
Затмевая красой луну?
Кто из омута смотрит ввысь
И заманивает в глубину?

Никого там, по правде, нет, —
Только тени и лунный свет.

Не женой была, не женой, —
Стороной прошла, стороной.

. . . . .

Никогда не придет Лилит,
А забыть себя не велит.

1965

Фараон воздвигал пирамиду,
Приближаясь к преклонным летам.
Пирамиду он строил для виду,
А устроился вовсе не там.

Он гробницу секретную сделал
И с собою не взял ни гроша, —
И, легко отделившись от тела,
Рядом с ним поселилась душа.

Он своих повелений не помнит,
Он ушел от войны, от жены,
От парадных раскрашенных комнат
В потаенный чулан тишины.

Он теперь — только мелкая сошка.
Хорошо отдыхать одному.
И душа, как домашняя кошка,
Что-то тихо мурлычет ему.

1965

Из книги
„ЗАПАС ВЫСОТЫ“

Завидовал кто-то птицам,
Но был не из рода Дедалов,—
Чтоб медленно вверх возноситься,
Он лестницу вырубил в скалах.

Другому в долину спуститься
Хотелось, чтоб жить там получше, —
Спуститься чтоб и не разбиться,
Он лестницу выдолбил в круче.

Ступени — замена полета,
Ступени — замена паденья,
Ступени — работа, работа,
Терпенье, терпенье, терпенье.

Я к небу медленно лезу,
Ступени ввысь прорубаю,
Я гору железом, железом
Долбаю, долбаю, долбаю.

Пусть ангелы в горнем полете
Смеются над неокрыленным, —
Не богу — работе, работе
С киркой отбиваю поклоны.

Усилья, усилья, усилья,
Спина — будто натертая солью.

А вдруг это крылья, крылья
Проклевываются с болью?

Душа — общежитье надежд и печалей.
Когда твое тело в ночи отдыхает,
О детстве, о сказочно-давнем начале,
Во сне потаенная память вздыхает.

И снятся мечте неземные открытья,
И лень, чуть стемнеет, все лампочки гасит,
И совесть — ночной комендант общежитья —
Ворочается на железном матрасе.

И дремлет беспечность, и стонет тревога —
Ей снятся поля, окропленные кровью,
И доблесть легла отдохнуть у порога,
Гранату себе положив к изголовью.

А там, у окна, под звездою вечерней,
Прощальным лучом освещенная скудно,
На праздничном ложе из лилий и терний
Любовь твоя первая спит непробудно.

1968

Невидимое мы узрели
И неделимое разъяли,
Но так же дождь стучит в апреле,
Как при Софокле и Дедале.

И тот же зной томит в июле,
И nereиды пляшут в море,
И ходят звезды в карауле,
Как при Навуходоносоре.

Земля еще не стала раем,
Где каждый атом на учете,
И мы во сне над ней летаем
В неуправляемом полете.

Еще мы смертны, слава богу,
Еще смеемся мы и плачем,
И то, что кажется итогом,—
Всего лишь правила задачи.

1968

1

Над морем прозрачный покой,
Такого еще не бывало.
Подать не рукой, так строкой
До Марса, до звездочки алой.

Она — словно тайная весть,
Она обещает и манит.
А вдруг они всё-таки есть,
А вдруг прилетят марсиане?

Меж нами ни стекол, ни штор,
Ни поводов для поединка —
Один только чистый простор,
Пространства прозрачная льдинка.

2

Мы одни во Вселенной, быть может,
До сих пор нам никто не помог.
Из космической литерной ложи
Бородатый не щурится бог.

И на сцене зеленого рая,
Средь бесчувственных солнц и планет,
Мы в нелегком спектакле играем,
У которого зрителей нет.

Мы бесчисленны и одиноки,
А вокруг — только холод и снег,

И с галерки галактик далеких
Нас никто не окликнет вовек.

Мы одни во Вселенной, быть может,
И братьев по разуму нет,
И на всё, что томит и тревожит,
У себя лишь найдем мы ответ.

1968

Вселенной радость и беда,
Частица мыслящей матери,
Оплачиваю я всегда
Находки — горькими потерями.

И, собственный теряя след,
Теряя голову от робости,
В слепые скатываюсь пропасти
И вновь карабкаюсь на свет.

Но хоть тропинка нелегка,
Хоть крутится и извивается,
Порой с нее издалека
День завтрашний приоткрывается.

Пусть мне там жить не суждено —
Гляжу, гляжу, гляжу в грядущее.
Так странник, к пиру не допущенный,
Всё видит с улицы в окно.

1970

Есть у каждого тайная книга обид,
Начинаются записи с юности ранней;
Даже самый удачливый не избежит
Неудач, несвершенных надежд и желаний.

Эту книгу пред другом раскрыть не спеши,
Не листай пред врагом этой книги страницы, —
В тишине, в неспораемом сейфе души
Пусть она до скончания века хранится.

Будет много распутий, дорог и тревог,
На виски твои ляжет нетающий иней, —
И поймешь, научившись читать между строк,
Что один только ты в своих бедах повинен.

1970

156 НОЧНАЯ ЛАСТОЧКА

Кто белой ночью ласточку вспугнул, —
Полет ли дальнего ракетноносца
Или из бездны мироздания гул,
Неслышный нам, в гнездо ее донесся?

Она метнулась в воздухе ночном,
И крылья цвета вороненой стали
Цветущий мир, дремавший за окном,
Резнули дважды по диагонали.

Писк судорожный, звуковой надрез
Был столь пронзителен, как будто разом
Стекольщик некий небеса и лес
Перекрестил безжалостным алмазом.

И снова в соснах дремлет тишина,
И ели — как погашенные свечи,
И этот рай, что виден из окна,
Еще прекрасней, ибо он не вечен.

1970

Мерещатся во мраке,
Встают из дальней мглы
Военные бараки,
Холодные полы.

Военные бараки,
Дошчатые столы,
Учебные атаки,
Вино из-под полы.

Но отперты ворота,
И ветер по лицу,
И маршевая рота
Застыла на плацу.

Вся выкладка в порядке —
Винтовки и штыки,
Саперные лопатки,
Заплечные мешки.

Шагай в шинели новой,
Гляди в глаза беде
(А в сумочке холщовой —
Гранаты РГД).

...Товарные вагоны
И рельсов синева,
В саду пристанционном
Прощальные слова.

Подруга в блузке тесной
И с челочкой на лбу

158 Уходит в неизвестность,
В неясную судьбу.

И, выбывшим на смену,
Мы едем в ночь, куда
Война, как гвозди в стену,
Вбивает поезда.

1969

Вспомни эту вечеринку,
Рядом стопочки составь,
Довоенную пластинку
На проигрыватель ставь.

Холостяцкое раздолье
Возникает изо мглы,
Воскресая с тихой болью
Под уколами иглы.

И, летя от света в темень,
У бессмертья взаперти,
На стене танцуют тени —
На паркет им не сойти.

В ритмах румбы беззаботной
Ты вдруг ритмы узнаешь
Очереди пулеметной,
Хлебной очереди дрожь.

И со свитком всадник скачет,
Взя хлоркой и золой,
И пластинка хрипло плачет
Под безжалостной иглой.

Ведется ввоз и вывоз
Уже не первый год.
Огромный город вырос
И всё еще растёт.

Вздывает конь копыта
Над невской мостовой,
Над сутолокой быта,
Над явью деловой.

Вступало в город море
За каменный порог,
Вступало в город поре, —
Но враг войти не смог.

Мы с Питером бывали
В достатке и нужде,
В почете и в печали,
В веселье и в беде.

На суше и на море,
Пройдя огонь и дым,
Немало мы викторий
Отпраздновали с ним

И всё творится чудо,
И нам хватает сил,
И конь еще покуда
Копыт не опустил.

1970

Парикмахер пехотный
Пристрастился к вину.
Он не очень охотно
Вспоминает войну.

А гордиться он вправе,
И заслужен покой,—
Только боже избави
От работы такой.

Ах, острижено сколько!
Стриг он как заводной,
Не под бокс, не под польку —
Всё под ноль да под ноль.

Он работал отлично,
Понимал что к чему,
Но не каждый вторично
Мог явиться к нему.

Ах, пехота, пехота —
Строевой матерьял!..
На холмах, на болотах
Он клиентов терял.

Видно, полька-канадка
Не для этих ребят,—
Под землей в плащ-палатках
Двадцать лет они спят.

102 ...Нынче грустно мне что-то,
Ты налей мне, налей!..
Ах, пехота, пехота,
Царица полей!

1968

Когда мне приходится туго —
Читаю в ночной тишине
Письмо незабытого друга,
Который убит на войне.

Читаю сухие, как порох,
Обыденные слова,
Неровные строки, в которых
Доныне надежда жива.

И всё торопливое, злое
Смолкает, стихает во мне.
К душе подступает бывшее,
Как в грустном возвышенном сне.

Весь мир этот, вечный и новый,
Я вижу — как будто с горы,
И вновь треугольник почтовый
В шкатулку кладу до поры.

1969

Водяная лилия цветет
На краю озерного протока.
Ничего не помнит и не ждет,
Счастлива она и одинока.

Не задень веслом ее, не тронь,
Не тянись к ней жадными руками, —
Может, завтра польхнет огонь
Над ее живыми лепестками.

Связанный с ней тайною судьбой,
В трудные и горькие мгновенья
Все цветы, что сорваны тобой,
Позабудешь ты без сожаленья.

В миг, когда смертельна тишина,
В миг, когда кончаются патроны,
Вспомнится тебе она одна —
Лилия, которой ты не тронул.

1969

Обнялись облака
И уснули без грусти.
Дремлет в русле река
От истока до устья.

Спят деревья в лесах
От корней до вершины.
В самых точных часах
Задремали пружины.

Спят приказы в столах,
Спят купавы на поймах,
Спят орудья в чехлах
И патроны в обоймах.

Спит младенец и мать,
Спит журавль у колодца.

Стоит мне задремать —
Всё на свете проснется.

1971

166 СТРОИТЕЛИ МАЯКА

От строителей осталась
Эта башня маяка.
Камня каждого касалась
Чья-то верная рука.

Созидатели забыты,
Не внесли их в письма,
Лица вечной тьмой сокрыты,
Неизвестны имена.

Но над морем держит факел,
Охраняя корабли,
Башня, как рука, во мраке
Выросшая из земли.

1970

Налившийся колос, ты должен склониться.
Ты к солнцу тянулся из всей своей силы,
Но время склониться, пора поклониться
Земле, что тебя родила и взрастила.

Ты в землю был послан людскою десницей,
Сквозь почву росток твой неспешно и тайно
Всплывал, чтобы к жизни вернуться сторицей,
К руке человека, к серпам и комбайнам.

Пустые колосья, как башни гордыни,
Пусть тянутся к небу, где звезды и птицы, —
В высоком смирении должен ты ныне
К земле, к животворной могиле склониться.

Пред этим таинственным миром склониться,
Где осень развесила тонкую дымку,
Где нет меж грядущим и прошлым границы,
Где смерть и бессмертие ходят в обнимку.

1970

Как здесь холодно вечером, в этом безлюдном саду,
У квадратных сугробов так холодно здесь и бездомно.
В дом, которого нет, по ступеням прозрачным взойду
И в незримую дверь постучусь осторожно и скромно.

На пиру невидимок стеклянно звучат голоса,
И ночной разговор убедительно ясен и грустен.
— Я на миг, я на миг, я погреться на четверть часа.
— Ты навек, ты навек, мы тебя никуда не отпустим.

— Ты всё снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
Ты уже на снежинки, на дымные кольца разъят,
Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья.

1969

Пока еще не рассвело,
Иду вдоль туманного луга,
И мыши летучей крыло
Касается лунного круга.

Природа чего-то всё ждет,
Но только не света дневного,
Не наших трудов и забот,—
Чего-то иного, иного.

Сама в себя погружена,
Собою полна до рассвета,
Сама от себя тишина
В тиши ожидает ответа.

1970

Стало больше красавиц на свете,
Всё нежнее и тоньше черты.
На скудеющей нашей планете
Стало больше людской красоты.

Есть такие прекрасные лица,
Что дивлюсь я, любуясь на них,—
Как такое могло сотвориться
Из обычных молекул земных!

У истоков отравлены воды,
Под пилой погибают леса,—
Но по тайной программе природы
Расцветает людская краса.

1970

Эти светлые кубы зданий,
Эта строгая простота.
Города без воспоминаний,
Прямо с ватманского листа.

Города, где не было нищих,
Где не веруют в рай и ад,
Где лишь начерно под кладбище
Обозначен земной квадрат.

Неизвестных чудес предтечи,
Светло-строгие города,
Что за ношу на ваши плечи
Взвоят будущие года?

1970

172 ЕДИНСТВЕННЫЙ С КОРАБЛЯ

Пусть в кармане нет ни рубля,
Жить на свете — большое диво.
Я — единственный с корабля,
Что лежит в глубине залива.

Гнал на рифы нас шторм ночной,
Не уйти от смертного часа...
Смытый с юта шальной волной,
Я единственный чудом спасся.

Спят друзья мои в глубине,
Позабыв о морских страданиях,
И за всех их придется мне
Вам поведать о странах дальних.

О союзниках и врагах,
О скитаньях по белу свету,
О таинственных берегах,
Тех, которых в лоциях нету.

...Дайте место мне у огня —
Расскажу, где с друзьями плавал.
Я — единственный, и меня
Не проверит ни бог, ни дьявол.

1970

Старинный пакетбот, погибший в Зейдер-зее,
Покоится во тьме, где ил и тишина.
Подзорная труба лежит в морском музее,
Ее аквалангист добыл с морского дна.

Хозяина ее давненько нет на свете,
Она не помнит дней открытий и утрат, —
Не замутив стекла, протек сквозь линзы эти
Невозвратимый мир, таинственный фильтр.

Распялен шар земной на карты и на схемы,
Известны острова и устья дальних рек,
Известны все пути, все пристани, — но все мы
Мир открываем вновь, чтоб утратить навек.

1970

Как сквозь стекло на жизнь порой глядим.
Стекло запылено и запотело
От нашего дыхания. За окном
Не день, не ночь — туман какой-то смутный.
Не протереть того стекла ничем,
А можно лишь разбить — тогда ворвется
В окошко свет, всё станет по-иному,
И, слизывая с пальцев струйки крови,
Увидишь мир, где всё впервой и внове.

1970

Синеют древние письмена
 На изразцах колонн.
 «Ворота счастья» — надпись дана
 На арке с двух сторон.

По эту сторону и по ту —
 Горькие солонцы,
 По эту сторону и по ту
 Строит мираж дворцы.

Путник, дойдя до этих ворот,
 Надеждой давней помим,
 Войдет в них, выйдет, мир обойдет —
 И снова вернется к ним.

Он станет в их тень, в прохладную
 тьму,
 Взгрустнет о пути своем:
 — Где мое счастье, я не пойму:
 В грядущем или в былом?

И снова он по кругу пойдет,
 Подавив усталости стон.
 А счастье — только в тени ворот.
 Но об этом не знает он.

1969

Ты, детство, — золотое дно,
Тебе моя жвала.
Ты — как витражное окно
Из яркого стекла.

Пусть твой рисунок утловат, —
Но разве дело в нем?
Забытый разноцветный сад
Почиет за окном.

Там, непонятна и светла,
Подруга детских дней;
Почти такая, как была, —
Но крылья есть у ней.

У ней варенье на щеке
И ситцевый наряд, —
Но лимки в ее руке
Мерцают и горят.

Стоит она, не зная зла,
С меня не сводит глаз, —
И только радуга стекла
Разъединяет нас.

1967

Чем дальше в будущее входим,
Тем больше прошлым дорожим,
И в старом красоту находим,
Хоть новому принадлежим.

Но как веревочка ни вьется —
Добру вовеки быть добром,
И непощеным остается
Зло, совершенное в былом.

1970

Есть на свете невзрачные рыцари,
А порой предстают предо мной
Подлецы с благородными лицами
И с красивой такой сединой.

И глаза их живые, не тусклые...
Только хочется броситься прочь
В миг, когда лицевые их мускулы
Выражают готовность помочь.

1970

Довольно тревог и терзаний —
Былого уютный дворец
Из тысячи воспоминаний
Построен тобой наконец.

Внутри он и светлый, и теплый,
Не прячется мгла по углам,
И начисто вымыты стекла,
И убран строительный хлам.

Но если в него ты поверил —
Скорей из него уходи,
Круши его, взламывай двери,
Взрывчатку под стены клади!

И осенью, грустной и чистой,
Под ветром надежд и скорбей
Ты бедную хижину выстрой
На щебне гордыни своей.

1967

Налегай на весло, неудачник!
Мы с тобою давно решены,—
Жизнь похожа на школьный задачник,
Где в конце все ответы даны.

Но еще до последней страницы
Не дошли мы, не скрылись во мгле,
И поют нам весенние птицы
Точно так же, как всем на земле.

И пока нас последним отливом
Не утянет на темное дно,
Нам не меньше, чем самым счастливым,
От земли и от неба дано.

1968

Друг лечил от увлечений,
Он, иллюзии гоня,
Паутиной поучений
Обволакивал меня.

Был я вспыльчивым, как порох,
Был отменно бестолков,
Доходило дело в спорах
Чуть ли не до кулаков.

Но, пожалуй, слишком рано,
Хоть его тут нет вины,
Он ушел с земного плана
В край бесспорной тишины.

Он давно мне не перечит,
Не дает выговоров —
Только мне ничуть не легче
В этом лучшем из миров.

1970

Над собой умеи смеяться
В грохоте и в тишине,
Без друзей и декораций,
Сам с собой наедине.

Не над кем-то, не над чем-то,
Не над чьей-нибудь судьбой,
Не над глупой кинолентой —
Смейся над самим собой.

Среди сутолоки модной
И в походе боевом,
На корме идущей ко дну
Шлюпки в море штормовом —

Смейся, презирая беды, —
То ли будет впереди!
Не царя — шута в себе ты
Над собою учреди.

И в одном лишь будь уверен:
Ты ничуть не хуже всех.
Если сам собой осмеян,
То ничей не страшен смех.

1968

184 ПОСЛЕДНЯЯ РАДУГА

Над зарослями краснотала,
Над речкой, на самом виду
Осенняя радуга встала,
Последняя в этом году.

Она небесам подчинила
И дальний погост и село,
Дороги, дома и могилы
Взяла под цветное крыло.

Обид и невзгод отрицанье,
Жар-птица сентябрьского дня,
В прозрачную глубь созерцанья
Она погрузила меня.

Гляжу, как из дальнего детства,
Забыв про быт и житье,—
Спешу на нее наглядеться
За всех, кто не видит ее.

1969

Звезды падают с неба
К миллиону миллион.
Сколько неба и снега
У Ростральных колонн!

Всюду бело и пусто,
Снегом всё замело,
И так весело-грустно,
Так просторно-светло.

Спят снежинки на рострах,
На пожухлой траве,
А родные их сестры
Тонут в черной Неве.

Жизнь свежей и опрятней,
И чиста и светла —
И еще непонятней,
Чем до снега была.

1970

Вы не та еще, не та еще,
Я увижу вас иной,
Радугой невыцветающей
Вы взойдете надо мной.

В перегонном кубе памяти,
В смене лет, в мельканье дней
Вы еще при жизни станете
Краше прежней и нежней.

1970

Там веселые франты шлифуют панели,
И резвятся виньеточные наяды,
И из матово-черного дула тоннеля
Поезда вылетают в дыму, как снаряды.

И невеста в шелках, облаков невесомей,
Улыбаясь, встречает грядущего мужа, —
Но уже неуклюжие танки на Сомме
В наступленье пошли и траншеи уютят.

Там в овалах — убитых поручиков лица,
И могилы солдатские в роще осенней,
И над чьей-то печальной койкой сестрица
Наклонилась, как белая птица спасенья.

...Увязают в грязи госпитальные фуры,
И пилот возвращается с первой бомбежки, —
Но еще на заставках смеются амурь
И пасхальные ангелы смотрят с обложки.

1970

До порта прибытья еще нам с неделю идти,
И порт отправления далек, как забытая песня.
Сейчас середина, сейчас сердцевина пути,
Конца и начала торжественное равновесье.

За черной кормою встает океанский рассвет,
И тянет от зыби сырую травую овражной,
И солнечный луч, сквозь лиловую тучу продет,
Скользит осторожно вдоль палубы чистой и влажной.

Как дышится юно на острове этом стальном,
И молодо солнце, и вечен простор поднебесья!..
Забудь в океане, что в долгом походе земном
Давно и навек, ты ушел за черту равновесья.

1969

Амнезия, амнистия души,
Забвенье бед и полное забвенье.
Былого нет. Всё заново пиши.
Как гений — первое стихотворенье.

Но так ли? У больного грустен взгляд:
Нет прошлого — подмоги и опоры;
Дома и люди о себе молчат,
Безмолвствуют грядущего просторы.

И нет ему в забвении добра,
И нет пути темней и безысходней —
Шагать, не зная завтра и вчера,
По лезвию всегдашнего сегодня.

1970

190 УТЕШИТЕЛЬНЫЙ МАРШ

Я отведу твою беду —
На этот марш надейся.
Его сквозь зубы на ходу
Тверди по ходу действий.

Пусть чем-то ты не награжден,
Обижен и обужен —
Ты мог быть вовсе не рожден,
И это было б хуже.

Судьбу напрасно не ругай,
И под незримым флагом
Шагай, шагай, шагай, шагай,
Вперед — пехотным шагом.

Иди, иди, иди, иди,
Не мучайся обидой,
Ты на счастливицев не гляди,
Ты сам себе завидуй.

Не клянчи счастья, не шакаль,
Найди его, добейся,
По рытвинам судьбы шагай —
Как паровоз по рельсам!

Иди при свете и во мгле,
Сквозь молнии и тучи!
Тебе родиться на Земле
Счастливый выпал случай.

У ангела ангина,
Он, не жалея сил,
Берег чьего-то сына,
Инфекцию схватил.

В морозном оформленьи
За домом тополя,
В неясном направленьи
Вращается земля.

До рая не добраться
С попутным ветерком,
И негде отлежаться —
Летай под потолком.

Земная медицина
Для ангела темна.
Ангина ты, ангина,
Чужая сторона!

1969

Детство как прошло твое?
С кем тебе дружилось?
— Ангельё и чертовё
Надо мной кружилось.

Слушал каждый их совет,
Да не всё я понял —
И провел я пару лет
В дефективном доме.

Юность как прошла твоя?
— Стоило влюбиться,
Ангелья и чертовья —
Прямо не пробиться.

Ангелы зовут к добру,
Черти к злу толкают,
Не всегда и разберу
На что намекают...

Только в новое жильё
Въехал я с женою —
Чертовё и ангельё
Въехало со мною.

...А теперь, на склоне лет,
Как тебе живется?
— Чертовё на склоне лет.
Надо мною вьется.

1968

Осенний закат отражается в глади озерной,
И весь этот берег сегодня нам дан на двоих.
По небу разбросаны звезд сиротливые зерна,
Но стебли лучей прорасти не успели из них.

Я вижу тебя, освещенную светом последним,
И, тень твоя легкая тянется к дальним холмам.
Побродим, походим, помедлим, помедлим, помедлим,
Нам рано еще расходиться по темным домам.

Еще мы не всё о себе рассказали друг другу,
Еще мы не знаем, кто наши друзья и враги, —
А ночь приближается к озеру, к берегу, к лугу,
Как черная птица, смыкая над нами круги.

1968

Есть в городе памяти много домов
Широкие улицы тянутся вдаль,
Высокие статуи на площадях
Стоят — и сквозь сон улыбаются мне.

Есть в городе памяти много мостов,
В нем сорок вокзалов и семь пристаней,
Но кладбищ в нем нет, крематориев нет,—
Никто в нем не умер, пока я живу.

Есть в городе памяти маленький дом
В глухом переулке, поросшем травой;
Забито окно, заколочена дверь,
Перила крыльца оплетает вьюнок.

...Когда это дело случится со мной —
С проспектов стремительно схлынет толпа,
И, за руки взявшись, друзья и враги
Из города памяти молча уйдут.

И сразу же трещины избородят
Асфальт и высокие стены домов,
Витрины растают, как льдинки весной,
И башни, как свечи, начнут оплывать.

Осядут, в реке растворятся мосты,
Расплавятся статуи на площадях,
С вокзалов уйдут без меня поезда,
От пирсов уйдут без меня корабли.

Я буду шагать сквозь дома и дворцы,
На берег другой перейду без моста,
Над стрелем, над омутом, над быстриной —
Такое уж чудо случилось со мной.

Я в тот переулок забытый вбегу,
У старого дома замедлю шаги —
И девушка в платье весеннем сойдет
С улыбкой ко мне по ступенькам крыльца.

Не надо ни поезда, ни корабля, —
Мы выйдем в неведомые поля,
Отглянемся — порода нет за спиной.

Когда-нибудь это случится со мной.

1968

196 ПОДРАЖАНИЕ СТАРЫМ МАСТЕРАМ

Нас двое — я и я. Один из нас умрет,
Когда настанет день и час его пробьет;
Уйдет в небытие, растает словно дым,
Растает — и навек расстанется с другим.

Пускай твердит ханжа: «Враждебны дух и плоть».
Здесь дьявол ни при чем и ни при чем господь.
Не с телом — сам с собой в борьбу вступает дух,
Когда в самом себе он разделен на двух.

Жизнь, словно прочный бриг, по хлябям, по волнам
Несла обоих нас, не изменяя нам, —
Но в штормовые дни один крутил штурвал,
Другой, забравшись в трюм, молился и блевал.

Умрет лукавый раб, умрет трусливый пес —
Останется другой, который службу нес.
Бессмертен и крылат, останется другой
На вечный праздник дней, на вечный суд людской.

1970

За пятьдесят, а всё чего-то жду.
Не бога и не горнего полета,
Не радость ожидаю, не беду,
Не чуда жду — а просто жду чего-то.

Хозяин вечный и недолгий гость
Здесь, на Земле, где тленье и нетленье,
Где в гордые граниты отлилось
Природы длительное нетерпенье,—

Чего-то жду, чему названья нет,
Жду вместе с безднами и облаками.
Тьма вечная и негасимый свет
Ничто пред тем, чего я жду веками.

Чего-то жду в богатстве и нужде,
В години бед и в годы созиданья;
Чего-то жду со всей Вселенной, где
Материя — лишь форма ожиданья.

1971

Последний кабак у заставы,
И в инее конь у крыльца.
В снега величайшей державы
Дорога легла без конца.

В недолгом трактирном уюте
Задумайся у камелька,
Какие пути и распутья
Ждут путника и ямщика.

Художник останется с нами,
А кто-то шапнет в уют,
А кто-то расстанется с нами —
И версты в глазах поплывут.

Он едет по снежной равнине;
Морозно, бело и темно, —
И всё, чего нет на картине,
Ему испытать суждено.

1971

В сыром пароходном дыму
По набережной залива
Цветы неизвестно кому
Несет человек торопливо.

Подобран осенний букет
Как бы в ослепленье счастливым —
И желтый, и розовый цвет,
И алый с лиловым отливом.

А окна рассветом порят,
Разбросано пламя по кленам,
Патрульные чайки парят
В полете целеустремленном.

И пахнет опавшим листом,
И радостно так и тревожно
Трубят пароходы о том,
Что всё в этом мире возможно.

1971

Ты в былое свое оглянись:
Всё — от камня до человека —
Торжествующе тянется ввысь,
Как в возвышенном мире Эль Греко.

И чем дальше уходят года,
Тем властительней и своевольней
Память строит свои города
И надстраивает колокольни.

Память ставит своих часовых
У черты, у расстанного круга,
И покуда мы живы — в живых
Оставляет убитого друга.

И порою, не помня имен,
Все исходы забыв и невзгоды,
На полянах ушедших времен
Водит праздничные хороводы.

1971

ВЕЧЕРНИЙ НЕВОД

Новые стихотворения

Быть может — вдалеке, быть может — за стеною,
Быть может — подо мной, быть может — надо мною
Пластинку прежних лет опять заводит кто-то,
И у меня с утра не спорится работа.

Сквозь известь и кирпич, сквозь плиты перекрытий,
Сквозь время, сквозь пласты слежавшихся событий,
Как через кожу шприц — мне прямо в сердце вколот
Напев тридцатых лет, когда я был так молод.

Обшарпанный рефрен, любовные угрозы,
И в голосе певца заученные слезы,
Но за тщетою слов, за их усталой сутью
Вся жизнь мне предстает как вечное распутье.

Еще не пробил час, и жребий наш не выпал,
И тысяча надежд раскинута на выбор;
Всё впереди еще — и доброе и злое,
Еще в грядущем всё, что отошло в былое.

И голоса друзей, войной навечно взятых,
Мне слышатся вдали, и в громовых раскатах
Напев тридцатых лет звучит в пыли дорожной,
Преобразясь в хорал возвышенно-тревожный,

1972

204 ВОЕННЫЕ ОРДЕНА

Сиротеют военные ордена.

Кто вернулся живым тогда,
Тех, кого на войне не взяла война, —
На мушку берут года.

Мы живем — живые среди живых,
Но друзей уже многих нет —
Командиров запаса и рядовых,
Журналистов военных лет.

Не дарит бессмертия мирный быт,
Не молодит седина.
С паспортов на дерево и гранит
Переносятся письма.

Так вне строя, забыв земные дела,
Отбываем волей судеб
К тем, кого война на войне взяла,
С кем делили блокадный хлеб.

Но Отчизна навеки нам дана —
Это ей мы в свой строгий час
На хранение сдаем свои ордена,
На хранение сдаем свои имена —
И уходим в вечный запас.

1971

Напрасно старается память
Достигнуть былых берегов —
Чьего-то лица не представить,
И чьих-то не вспомнить шагов.

Кончаются сроки хранения
Для многих имен и страстей,
Для юношеских невезений,
Для давних надежд и вестей.

Но всё, чем жилось и дышалось
На дымных распутях войны,
Не убыло, и не распалось,
И явью является в сны.

Там радости и сожаленья,
Там холод и вспышки огня —
И памяти сроки хранения
Даны до последнего дня.

1971

Сегодня памятна немногим
Та довоенная игра:
Сигнал химической тревоги
Звучал со школьного двора.

Противогазы надевали
И шли, выравнивая шаг,
И стеклышки отпотевали,
И кровь тиктакала в ушах.

И было в жизни всё, что надо,
И молодость была легка,
Лишь голоса идущих рядом —
Как будто бы издалека,
Сквозь маску.

И наставник классный,
Едва мы возвращались в класс,
С задумчивостью, нам неясной,
На нас поглядывал подчас.

Склонясь над нашею судьбою,
Он достоверно знал одно:
Там, в будущем, сигнал отбоя
Не всем услышать суждено.

1971

У Каннельярви, за болотом,
Где прочного укрытья нет,
Застигнутые артналетом,
Мы оба бросились в кювет.

А в спину ветер бьет горячий,
Удар — разрыв, удар — разрыв...
Здесь были шансы на удачу
Одни и те же у двоих.

Но мы судьбы не разделили,
Хоть вместе по дороге шли, —
И был один я в целом мире,
Когда я поднялся с земли.

1974

На Невском проспекте, где зданья
Всё те же, что до войны,
Сгущаются воспоминанья,
Нежданно сбываются сны.

Порой чрезвычайная схожесть
Тебя остановит на миг —
В толпе, среди множества множеств,
Покажется чей-то двойник.

Вглядишься в того человека —
И друг твой сквозь давнюю тьму
Из памяти тайных отсеков
Выходит навстречу ему.

Мгновенная очная ставка,
Мгновенный наплыв тишины —
И вдруг тротуарную давкой
Все трое вы разлучены.

И снова — в иное, в иное,
Над зыбью привычных забот,
Над сказочною глубиною
Кораблик надежды плывет.

1972

Ни строчки о войне
Нет в книжке у поэта:
Убит он на войне
Под Кингисеппом где-то.

...Лишь строки мирных лет
О девушке, о лете, —
А девушки той нет:
Попибла в сорок третьем.

...Могильная трава
Колышется над вами,
Но тихие слова
Прошли сквозь гром и пламя.

От этих мирных слов,
От скромных упований
Протяжней чей-то вздох,
Кому-то жизнь желанней.

Не ждет вас общий дом,
Не ждут от вас известий,
Но вы вдвоем, вдвоем,
В стихах — навеки вместе.

1973

210 БЛАГОДАРНОСТЬ КРОВУ

Шагающий, летающий,
Вступающий на сходни,
Вчерашнего пристанища
Не забывай сегодня.

Спеша к далекой пристани,
К иным лесам и долам,
Склонись в поклоне истовом
Перед отцовским домом,

Не зачеркни за давностью
Того, что стало свято;
Припомни с благодарностью
Землянку в два наката.

Стезей небезопасною
Стремясь к просторам новым,
Неси в душе негласное
Благодаренье крову.

На острове, в пустыне ли,
Куда бы ты ни прибыл —
За эту крышу синюю
Скажи Земле спасибо.

1972

Предо мной, словно кони, дела
Мчатся вдаль, закусив удила.
Надо мною грехи и долги,
Словно коршуны, чертят круги.

Месят землю копыта коней,
Чтоб цветы вырастали на ней.
И над крыльями сумрачных
птиц —
Небо радостное без границ.

1972

Мне город — каменное утешенье,
Хоть не поймет вовек его душа
Моих ошибок мелких мельтешенья,
Моих удач, не стоящих гроша.

Шаги мои всё медленней и глуше, —
А он, как встарь, неллицемерно-строг,
Как прежде, неподкупно-равнодушен,
Но никогда я в нем не одинок.

Когда окончится мой век мгновенный,
Мой город не расстанется со мной.
Я верую, что вечны эти стены —
И мне не надо вечности иной.

1971

Нет, не в минувшем счастье. Но видней
На склоне лет и на исходе сроков
Спасительная бедность давних дней,
Незамутненность жизненных истоков.

Не ночи вспоминаю — вечера,
Не поцелуи, а рукопожатья;
На девочке с соседнего двора
Заботливо заплатанное платье.

И никогда не будет мной забыт
Огромный дом, массив кирпичной плоти, —
Я помню цокот ломовых копыт
В таинственных тоннелях подворотен;

Гул примусов и неуют квартир,
Поленницы с осклизлыми дровами,
И пристальное взглядыванье в мир
Сквозь радужную призму упований.

1973

Ночью в Иокогаме, стоя на берегу,
Корабельных названий разглядеть не могу.

Мрак — на многие мили, молчаливая высь...
Теплоходы забыли, как при свете звались.

Невеселое чудо я провижу вдали:
Я ведь тоже забуду, как меня нарекли,

И от хлеба и соли, от земного труда
Я в тот день поневоле отплыву навсегда —

Не в заморские страны, не к добру и не злу —
Кораблем безымянным в безымянную мглу.

1974

Ты оглянись — видны чуть-чуть
В пыли дорожной
Те годы, что нельзя вернуть,
Но помнить можно.

Хорош был или не хорош
Рубеж исходный —
Ты от него всю жизнь идешь
В свое сегодня.

Куда б дорога ни вела,
В какие дали, —
Черта отсчета пролегла
Тогда, в начале.

1974

216 НАЗИДАНИЕ

Не стань покорным должником удачи.
Когда дорога чересчур легка,
Она предъявит счет наверхняка
За эту легкость — так или иначе.

Когда дорога чересчур легка,
Задумайся: а нет ли тупика?
Не к пропасти ли ты идешь по ней?
Сверни на ту, что круче и трудней.

Пусть всё с тебя возьмет судьба сполна
Наличными — усталостью и потом,
Ведя по высям горным и болотам,
По рытвинам, без отдыха и сна.

И пусть опасен каждый поворот, —
Тебя от тупика и от обрыва
Сама дорога предостережет
Тем, что она не кажется счастливой.

1972

ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ
МАЛЬЧИК

217

Голландский бедный мальчик
У грани пенных вод
Дрожит и горько плачет,
А с места не сойдет.

По щиколотку в тине
Стоит он день-деньской,
Промоину в плотине
Закрыв своей рукой.

Уже припухли железы
И боль в его груди,
Но спинут Нидерланды,
Лишь руку отведи.

Пробита будет дамба
Соленою волной —
Тогда аминь и амба
Всему, что за спиной.

. . . . .

Невесел на картине
Продрогший паренек;
Что он хрестоматиен,
Ему и невдомек.

Он никого не учит,
Ничьих похвал не ждет,
Он этот частный случай
В закон не возведет.

С усталостью во взоре,
С надеждой и тоской
Он сдерживает море
Немеющей рукой.

218 ВОЗРАЖЕНИЕ ФАНТАСТУ

Пойми: не в том бессмертие, не в том,
Чтоб уцелеть из многих одному,
А в том, что в день, когда покинешь дом,
Не станет пусто в мире и в дому.

Как прежде, будет колоситься рожь,
И вздрагивать на стрелках поезда,
И город тот, в котором ты живешь,
Не сдвинется, не канет никуда.

Весь этот мир, что на короткий миг
Открыли для тебя отец и мать,
Весь этот мир — бессмертный твой двойник —
Останется навек существовать.

1971

Там, где стоит вон тот кирпичный старый дом,
Сто лет назад тропинка узкая струилась,
И кто-нибудь кого-то ждал на месте том,
Напрасно ждал — и всё забылось, всё забылось.

Где трансформаторная будка на углу —
Когда-то кто-то у калитки приоткрытой
Расстался с кем-то и шагнул в ночную мглу,
И слезы мил, — и всё забыто, всё забыто.

Мы их не встретим, не увидим никогда,
Они ушли — и отзвучало всё, что было.
Их без осадка, без следа и без суда
В себе стремительная вечность растворила.

Но в дни, когда душа от радости пьяна
И ей во времени своем от счастья тесно,
Она вторгается в былые времена,
На праздник свой она скликает неизвестных.

И на асфальте вырастает дивный сад,
Где всем ушедшим, всем забытым воздается,
И чьи-то легкие шаги вдали звучат,
И у калитки смех счастливый раздается.

1971

Яснее видеть нам дано
Не золотую середину,
А опустившихся на дно
Или взошедших на вершину.

А рядом с веком и с тобой,
Участвуя в огромном чуде,
Живут таинственные люди
С не очень шумною судьбой.

Кипит людская быстрина,
Слились бессмертие и брэнность —
И судеб необыкновенность
Обычностью отненена.

В реторту жизненную ту
Вглядись, чтобы открыть в зачатке
Все выпадения в осадки,
Все воспаренья в высоту.

1972

1

Есть запахи воспоминаний
О том, чего нам не вернуть.
Но нет у них слов и названий —
Одна бессловесная суть.

Вдруг на повороте тропинки
Иль где-то среди каменных стен
Нахлынувшие невидимки
Берут нас в невидимый плен.

И вот от дыхания акаший,
От розы иль от лебеды
Таинственных ассоциаций
В душе возникают ряды.

И мост переброшен прозрачный
Над бездной времен и потерь
К той маленькой станции дачной,
Где мы не бываем теперь.

Там негде от счастья укрыться —
Куда ты меня зазвала!
Там пахнет загаром и ситцем
Ночная нестрашная мгла.

И к сердцу плывет порьковатый,
Застенчивый запах духов,
И всё, чем дышалось когда-то,
Воскресло на веки веков.

Госпитальной хлоркой,
Летней прелью болот,
Кременчупской махоркой
Вдруг былое пахнёт.

И вослед вереницей,
Оттесняя твой сон,
Мчатся запахи-птицы
Из минувших времен.

Запах вешнего сада,
Влажный запах реки,
Клейкий запах приклада
У вспотевшей щеки.

Запах взрытого ила,
Опаленных цветов,
Черный запах гротила,
Белый запах бинтов,

Запах теплого крова
И остывшей золы —
Всё ушедшее снова
Проступает из мглы.

3

Осторожный и зоркий слепец,
Он охотился в мире огромном,
Где доверившийся — не жилец,
Где коварны цвета и объемы.

Он в природе не сразу постиг
Подстановки ее и обманы, —

Так хитро камуфлирован тигр,
А змея притворилась лианой.

Как поверить в земную красу, —
Всюду когти, трясины, обрывы...
Лгали краски и звуки в лесу,
Только запахи были правдивы.

Запах трав и лесного гнилья,
Запах зверя, и тлена, и пота,
Застоявшийся запах жилья,
Запах мяса — удачной охоты —
Не обманывали никогда...

А в ночи без огня и кресала,
Где незримая рыщет беда,
Лишь одно обонянье спасало.

Это с тех незапамятных лет,
Где грозили нам хляби и звери,
Где обманывал разум и цвет,
Безотчетно мы запахам верим.

И хоть мы поумнели с тех пор,
Но порою и слуху и зренью
Обоняние — древний суфлер —
Всё подскажет одним дуновеньем.

224 ФАСАДЫ СТАРЫХ ЗДАНИЙ

Тая всю явь, что мимо них текла,
Все отраженья давних поколений,
Как занавешенные зеркала,
Стоят фасады породских строений.

Когда-нибудь изобретут прибор:
Направив луч на здание любое —
На особняк, на крепость, на собор, —
Мы прошлое увидим пред собою.

Мы краску на стене за слоем слой
Начнем листать, чтобы смогли открыться
Присыпанные пеплом и золой
Империи забытые страницы.

Пройдут ряды повозок и телег,
Проскачет всадник и промчатся сани,
Прохожие, прошедшие навек,
Проявятся на каменном экране.

Поверхности вокзалов и казарм
Сквозь муть натеков, паутину трещин,
Всё то, о чем историк не сказал,
Покажут нам в обыденности вещей.

И каждый храм, больница и дворец
На голой кладке, за последним слоем,
Вещая и начало, и конец,
Нам явят всех, кто эти стены строил.

И пусть мы не услышим голосов —
Мы неизвестных каменщиков лица

Увидим средь строительных лесов —
И не забудем в пояс поклониться.

. . . . .

Скрывая всё, что отражалось в ней,
И ни на чей не отвечая вызов,
Стена — немая плоскость из камней —
Стоит, как невключенный телевизор.

1973

Петровская хватка,
Петровская кладка,
А Питер-то строить,
Ох, было не сладко.

Но то, что такую
Ценой достается,—
Не продается,
Внаймы не сдается.

1970

Чудес никогда я от жизни не требовал,
Без них мне на свете светло.

А вам вспоминается то, чего не было,
Что с вами не произошло?

Вам помнятся в рощах тропинки,
проложенные

К знакомым как будто местам?

Там вроде бы всё вами лично исхожено, —
Да только вы не были там.

А то вдруг какой-нибудь день необыденный
Вам в спешке припомнится, — но
Ведь это не с вами, не вами увидено,
Никем вам не сообщено.

И мне в моей жизни запомнилось многое —
Распутья, моря, города...
Но память порою шагает дорогами,
Где я не ходил никогда.

Долины и лица ей видятся дальние,
Она не скупа, не скупа, —
Она меня вводит в какие-то здания,
Куда на порог не ступал,

Ведет косополами и коридорами,
Сквозь грозы и уличный смог,
На горные выси ведет, на которые
Вовек я подняться б не смог.

Быть может, мы памятью с кем-то меняемся,
Быть может, не зная о том,
Мы воспоминаньями перекликаемся
С друзьями, которых найдем?

228 Еще не знакомы, еще в отдаленье мы,
Но к нам на незримой волне
Летят чьи-то помыслы и впечатления,
Отчеты о прожитом дне.

...Куда-то идем мы холмами, долинами,
Несем свою честную кладь,
Чтоб где-то за миг, с полуслова единого
Кого-то навеки понять.

1972

...С обрыва заглянул я вниз.
Редел береговой туман.
Песчано-каменистый мыс
Открылся мне издалека,—
Там, словно серая река,
Земля впадала в океан;
Там небольшие островки
Маячили, как поплавки;
Там лик морщинистой воды
Блестел, как россыпи слюды,—
Но складом черного сукна
Внизу лежала глубина;
Там к берегу катился вал,
И, пятясь, будто самосвал,
Он опрокидывался вдруг
И гальку на берег ссыпал.

О утренний приморский час!
Ты мне напомнил давний миг,
Когда я в детстве первый раз
К стеклу оконному приник.
Вновь, опьяняя новизной,
День возникает предо мной —
И впереди стоят года,
Как пред отправкой поезда.
Пусть где-то ждет небытие —
Но всё, что вижу, — всё мое!
Пусть смертно тело и душа —
Но жизнь бессмертно хороша!

1973

230 БАЛЛАДА НА СТАРИННЫЙ
МАНЕР

Скажи, кому она нужна,
Зачем в пустынном месте
Стоит кирпичная стена,—
Ей лет, наверно, двести?

Здесь рядом жили в двух домах
Два добрые соседа,
А что таилось в их умах —
О том никто не ведал.

В те незапамятные дни
На них нашла хвороба:
Влюбились в девушку они
В одну и ту же — оба.

Она ходила в их дома,
Она хвостом вертела,
Она не знала и сама,
Кого в мужа хотела.

Скрыть друг от друга не могли
Друзья свою досаду,
И меж собою возвели
Враждебную преграду.

А дева ветреной была,—
Пойми красоток этих,—
Двоих вокруг пальца обвела,
А приглянулся третий.

...Капелью капают года,
Дымит огонь в камине,
Ушла любовь невесть куда,
И дружбы нет в помине.

. . . . .
И тот забыт, и тот зарыт,
И нет домов их боле.
Кирпичный памятник обид
Стоит в пустынном поле.

От этих двух, чьи имена
Взяла навек могила,
Осталась лишь одна стена,
Что их разъединила.

Дела бывые — тлен и прах,
Но у ограды всё же
О собственных своих делах
Задумайся, прохожий.

1973

282 ТЫЛОВАЯ БАЛЛАДА

Дразнили крысой тыловой,
А был он писарь полковой,
Нестроевой солдат.
За то, что почерк был красив,
За четкий воинский курсив
Он был зачислен в штат.

Поскольку он в детдоме рос,
Никто не загрустил всерьез,
Когда он призван был.
Он, непригож и неженат,
Один шагал в военкомат —
Никто не проводил.

Кого-то он давно простил,
Кого-то он в письме просил:
«Хоть строчку напиши...»
Ответа ждал напрасно он —
Других, счастливых, почтальон
Поддразнивал: «Спяши!»

...В штабной землянке он сидел,
Немало было всяких дел
Поручено ему.
(Ах, жизнь у писаря легка,
Передовая не близка —
Издавека, издавека
Казалось кой-кому.)

Гремел, гремел военный гром,
А писарь всё водил пером
С рассвета дотемна.
Не только кровь войне нужна —
Бумагу жадно жрет война,
Чернила пьет она.

...В то утро враг — в который раз! — 288

Решил побеспокоить нас
Средь елей и болот;
Он орудийные стволы
Навел на ближние тылы —
Обычный артналет.

Минут пятнадцать бил подряд,
Обстреливая наш квадрат,
И вот снаряд шальной,
Нежданный двухпудовый гость,
Накаты прорубив насквозь,
В блиндаж попал штабной...

Теперь уж не придет ответ —
Ни тыла нет, ни фронта нет
Уже тридцатый год.
Связист не тянет провода,
И письма не идут сюда —
За тридцать девять невзгод.

Могила поросла травой,
И ель над самой головой
Уходит в облака...
Он был не трус и не герой,
Не командир, не рядовой —
А просто писарь фронтовой
Пехотного полка.

1973

Огней электрических ясная стая
На бронзовых ветках сидела, блистая,
Сидела, роняя лучей оперенье,—
И вдруг мне послышалось тихое пенье:

— Мы лампочки, мы этот зал озаряем,
Мы светим, мы светим — и перегораем.
Шестнадцать свечей в нас, иль сорок, иль двести —
Исход предугадан, конец наш известен.

Одни из нас гаснут неожиданно, до срока,
Когда напряженье меняется тока;
Другие — прочнее, но в ходе событий
Стареют вольфрама упругие нити.

Когда твоя очередь — завтра иль нынче?
Свершай свое дело, гори — если ввинчен!
Ты вечным не станешь, светясь вполнакала,—
Сияй и сгорай, чтобы люстра сверкала!

Гори — и не жди восхвалений за это:
Ты — смертная искра бессмертного света!

Костер смелел. С поляны тьму гоня,
Бросая в ночь готические тени,
Багровые конструкции огня
Всё усложнялись в торопливой смене.

Летела к звездам алая пыльца,
Огонь-строитель дерзостно и властно
Лепил макет собора иль дворца
Сам из себя — как бы из глины красной.

И на мгновенье тронный зал возник —
Многооконый, тысячеколонный,
Столь явственный, как будто он за миг
Был высчитан машиной электронной.

В том зале средь дымящихся ветвей,
Среди горящих листиков осенних
Метался одинокий муравей,
И от огня искал себе спасенья.

1974

Из мигнов состоят года,
Из капель — пенные валы,
И в сладкой мякоти плода
Так зернышки его малы.

Величественная гора,
Взметающая град камней, —
Всего лишь только кобура
Сил, что стократ ее важней.

Нам разум освещает путь,
Но как бы некою горой
Вещей естественная суть
Заслонена от нас порой.

И если приоткрылись мне
Истоки следствий и причин,
То чувствам ясны не вполне
Соотношенья величин.

...Но пусть порой я нищ и гол
Перед игрою внешних сил,
В свой череп — костяной чехол —
Я всю Вселенную вместил.

1973

Под старость всё в мире иначе,
Иных я исполнен забот.
Пусть пестрая рыбка удачи
К другому спокойно плывет.

Всё глубже я невод кидаю,
Чтоб дивное диво найти,
И сеть всё длинней, но с годами
Всё шире просветы в сети.

Там, в омуты воспоминаний,
Сквозь невод свободно сквозит
Плотва мимолетных признаний
И недолговечных обид.

И всё сокровенней глубины,
И в сумеречной тишине
Покачиваются мины,
И дремлют русалки на дне.

1971

Над томом Плутарха осеннею ночью
Склонюсь — и минувшее вижу воочью.

Как будто остывшей поверхностью лавы
Неспешно шагаю, листая страницы
Запекшейся крови, свалявшейся славы,
Всего, что свершилось и не повторится.

О старец, твои ниспровергнуты боги,
Твоим аналогиям нет аналогий, —
Ну где этим римлянам древним и грекам
Тягаться с двадцатым космическим веком!

...Ушедшею давностью дышат страницы,
Но, книгу закрыв, я не в силах забыть их.
Под шлаком бывшего кипит, пузырится
Бессонная магма грядущих событий.

1973

Это знает Плутарх, это было на ранней заре
Там, где старые стены, и склоки, и ссоры, и схватки,
Там, где царства дрались, как мальчишки на заднем
дворе,
И империи клали друг друга на обе лопатки.

Позабыты герои, державшие заданный курс,
Позабыты погибшие в давних боях ветераны, —
Но на теле Истории, словно любовный укус,
На столетья оттиснут поступок Антония страннный.

Клеопатра коварно из боя свой вывела флот —
И, забыв свое войско, ревнивою болью томимый,
Как за флагманским флагом, за бабьею юбкой плывет
Триумвир, полководец, любимец солдатского Рима.

Обесславиться так, осчастливиться так на века,
Быть воспетым не раз, будто нет ни забвенья,
ни тлена...

О в какие надежды, в какие слова и шелка
Ты умеешь рядиться, бессмертная дева Измена!

1974

ГОЛОС ПЕРВЫЙ

Стук будильника слышу,
Острых зубчиков стук.
Металлической мышью
В ночь вгрызается звук.

Он кусает, кусает,
Он грызет в тишине
Жизни хрупкий сухарик,
Отпущенный мне.

Время! Вечное время!
Неустанный прибой!
Словно выстрел, мгновенен
Я в сравненье с тобой.

Мне отмерено скудно
От запасов твоих,
Я лишь микросекунда
На часах мировых.

Тонкой черточкой, риской,
Век мой изображен
На кругу исполинском
Циферблата Времен.

ГОЛОС ВТОРОЙ

О всемирное Время,
Вечной жизни прибой!
Я бессмертно-мгновенен,
Я пронизан тобой!

Слышу ночью весенней
ОбодриТЕЛЬный звук —

Паутину мгновений
Ткет будильник-паук.

Пусть из мигов-событий
Жизнь моя сплетена —
Не из этих ли нитей
Сплетены Времена,
Тросы тысячелетий,
Канаты эпох?..
Я привязан к планете
С отдаленных веков!

От рождения — сразу
К этой жизни земной
Я навеки привязан,
Мне не надо иной!

1974

В романе фантастическом одном
Три новых солнца обрела планета,—
И стала жизнь большим бессонным днем,
И нет теней в сплошном разливе света.

Но верить мне не хочется тому,
Что мой собрат талантливый пророчит:
Свет без теней слепит, ввергая в тьму,
И вечный день подобен вечной ночи.

1971

Е. Г.

Идем за надеждою вслед,
За древней скрипучей арбою...
А счастье не там, где нас нет,
А там, где мы рядом с тобою.

В судьбу к нам оно не влетит
Кичливой и пышной жар-птицей,
Но вплавлены в будничный быт
Его золотые частицы.

1973

244 ЗАРЫТЫЙ КАНАЛ

Я с вокзала иду, как бывало,
Я ступаю на старенький мост;
Он теперь над зарытым каналом
Будто странный, ненужный нарост.

Вспоминаю, что было и сплыло,
Необъятное силуюсь объять
И невольно гляжу за перила:
Вдруг себя там увижу опять.

Сколько тысяч моих отражений
Там осталось в зарытой воде...
Неужели теперь, неужели
Нет меня уже больше нигде?

...Торопясь под вокзальные своды,
За перилами, вровень со мной,
Молодые идут пешеходы
По утоптанной тверди земной.

1973

Поживем — и умираем,
Очень грустные дела.
А ведь жизнь была бы раем,
Если б вечною была.

Не успев проститься с веком,
Умолкаем на века
От смещения молекул,
От простого сквозняка.

Чуть нарвемся на обиду,
Сразу — камушком ко дну —
Отбываем в Инфарктиду,
Молчаливую страну.

А бывало, а бывало,
Ни кола и ни двора,
Пили воду из канала —
И холера не брала.

А бывало, лезли в драки,
Натошак пускались в пляс,—
Будто кошка от собаки,
Грусть шарахалась от нас.

1971

246 ЧЕЛОВЕК СПЕШАЩИЙ

Человек живет бегом,
На ходу жует,
Он века берет в обгон,
На педали жмет.

Он спешит, подлунный царь,
К новым чудесам, —
А земля творит, как встарь,
По своим часам.

Среди осени весна
Не идет на лут,
И не силится сосна
Обогнать подруг.

Царь земли бежит бегом —
Зверем на ловца, —
А природа-то кругом
Ухмыляется.

1973

Когда надолго выедешь из города,
Почувствуешь недели через три:
Всё в нем, далеком, вдвое сердцу дорого,
Все улицы, мосты и пустыри.

Он всё светлее в памяти становится,
И всё роднее каменный уют,
И все печали от него сторонятся,
В нем сплошь одни счастливые живут.

В него все вести добрые слетаются,
В него — по зову памяти твоей —
Все, кто ушел навеки, — возвращаются,
Чтоб только ты вернулся поскорей.

1972

О чем ты там ни говори,
Кого ты там ни слушай —
В старинные монастыри
Вхожу, смиряя душу.

Здесь кто-то ждал благу ю весть,
Искал видений вещей,
А кто-то видел то, что есть,
Любил простые вещи.

Его не райские края,
Не ангельские дали —
Земная прочность бытия
И тишина прельщали.

Старели стены над рекой,
О купол бились бури —
Но бог по имени Покой
Без выходных дежурил.

1973

Раскачавшись, обрушив
Все хвалы и хулы,
В древний колокол суши
Ударяют валы.

То не звон погребальный,
Не праздничный звон —
Это голос глобальный
Всех глубин и времен.

По Земле-планете
Гонит волны, как встарь,
Нарастающий ветер —
Сумасшедший звонарь.

За волнами-валами
Горизонт горбат —
И гремит над мирами
Океанский набат.

1972

250 ЛИВЕНЬ В ПУСТЫНЕ

Автобус всё неторопливей
Плывет в журчащей глубине,
Его скребет и моет ливень,
И пляшет на его спине.

И пыли самотканый полог
Лег, складками не шевеля,
К пустыне накрепко приколот
Иголками из хрусталя.

А в стороне мерцает зыбко
Сквозь дождевое серебро
Верблюд двугорбый — будто скрипка,
Поставленная на ребро.

1973

Свое отработав, уходит кочующий гром —
И мокрые звезды дрожат за оконным стеклом.
И отсветы неба мерцают на березняке,
И каждый листок — будто стеклышко в детской руке.

А поезд впервые вбегает в такие леса,—
За ним остается протоптанная полоса.
Сквозь белые рощи проносится он прямым,
Вагоны продуты черемуховым сквозняком.

Плывет и качается влажно-зеленый хаос,
Мпновенья, как птицы, взвиваются из-под колес.
И в чьих-то глазах ослепительно отражены
Дрожащие звезды, счастливые звезды весны.

1971

Надо мной висят стрекозы
Легкой дымкой слюдяной.
Нимфы севера — березы
Скромно шепчутся со мной.

Не страшась, идет лисица
По тропинке прямиком,
И в траве змея струится
Светло-серым ручейком.

А в реке, в затонах сонных,
Средь зеленоватой тьмы,
В омутах незамутненных
Дремлют мудрые сомы.

И, планету огибая,
Мирно реет надо мной
Небо — птица голубая
С кругло-желтой головой.

1971

Какие взрослые все звери!
На воле или взаперти,
Они давно уже созрели,
А нам еще расти, расти.

Еще нам, людям, ошибаться,
Одoleвать свою тщету,
Еще нам лоб о лоб сшибаться,
А может быть — щитом к щиту.

И, зверя из себя гоня,
Над истинами спины гнуть нам...
А волк из-за железных прутьев
Печально смотрит на меня.

1972

254 ОБЫЧНЫЙ СОН

Никто не скажет, почему во сне
Вдруг возникали рощи и обрывы,
И давний враг, как друг, пришел ко мне,
И был я то несчастным, то счастливым.

И мой двойник со мною говорил,
Подсказывал таинственные числа,
И вел меня мостами без перил
Над безднами — без умысла и смысла.

Был так обычно-необычен сон,
А мудрый опыт шлялся в самоволке,
И сам в себе был разум отражен,
Как в зеркале, разбитом на осколки.

1973

У лесной тропинки велосипед
Положил я на серый мох.
На миг онемел весь белый свет —
Иль это я оглох?

Закат сквозь сосны — будто во сне,
Будто в дальнем детстве моем, —
И душа распрямляется в тишине,
Как трава, примятая днем.

1975

Экскурсовод сошел с ума,
Всех из музея выгнал вон.

— Смотрите, граждане: дома!
— Взирайте, братцы: это клен!

— Глазейте: в скверике цветы!
Какие странные цвета!
— Вот кот крадется сквозь кусты!
Дивитесь, люди, на кота!

— Вот солнце — огненный орел,
Нам подсветить его пора! —
И на светило он навел
Фонарик ватга в полтора.

У всех на лицах был испуг:
Его бы к доктору скорей!
А солнце засияло вдруг
Вдвойне сильнее.

1971

Надежды громоздкую бочку
Катил я с давнишней поры
На эту наивысшую точку
Вот этой высокой горы.

Всё было — сомненья, страданья,
И зной, и холодная дрожь,
Но трудное самоздание
Под старость я выполнил всё ж.

— Эй, Музы! Готовьте посуду!
Готовьте столы и цветы!
Я с вами застольничать буду,
Я с Вечностью чокнусь на «ты»!

...Никто отозваться не хочет,
Лишь ветер гудит в бороде.
Полно здесь полнехоньких бочек,
Где ж пости? Хозяева где?

1973

Когда последняя беда
Опустит свой топор,
Я упаду, как никогда
Не падал до сих пор.

Не так, как листья в листопад
Иль кó дну корабли, —
Я буду падать, падать, пад(ать)...
И не коснусь земли.

Я врежусь в купол голубой,
В небесные пары,
Я буду прошибать собой
Нездешние миры.

Сквозь звезды, через темноту,
Через хвосты комет
Я буду падать в высоту
Сто миллионов лет.

1971

Не застраивай летного поля,
Хоть пустынно и голо оно.
Не застраивай летного поля,
Ведь другого не будет дано.

Пусть жалеет, сочувствует кто-то,
Пусть другим твоя бедность смешна,
Но тебе для разгона, для взлета
Только ровная местность нужна.

1973

Романтика, кто ты? Неужто
Опущен таинственный флаг?..
Усталое слово — кормушка,
Банальности фирменный знак.

Ты храбрых водила в разведку,
Во гневе вздымала копье —
Теперь обернули конфетку
В бумажку, где имя твое.

Ты с выгодой пущена в дело,
Тебя на расхожий мотив
Поет безголосая дева,
Слюней в микрофон напустив.

В лесу, где лютуют туристы,
Березки и елки губя,
Под вечер лундосый транзистор
Расслабленно славит тебя.

. . . . .
Когда-то рожденные новью,
С годами теряя права,
На сером кресте суесловья
Распятые гибнут слова.

Живая их суть остается,
Да только не сразу она
По-новому нам отзовется,
Не сразу войдет в письма.

1972

262 ВЗРЫВНЫЕ РАБОТЫ

В дыму, в пыли нарост земной коры.
Внизу, в долине, вздрагивают ставни.
Оторванные взрывом от горы,
Уходят в небо воюющие камни.

И, торопясь вернуться в мир былой,
Стремятся вниз они в слепой надежде
И падают на гору. Но горой
Им никогда уже не быть, как прежде.

1971

Хотел я смерти не орлу,
Не хищникам чащобы —
Я в друга выпустил стрелу
Несправедливой злобы.

Я промахнулся... Повезло,
Быть может, нам обоим?
Но мною посланное зло
Летит, летит над полем.

Летит сквозь строй лесных стволов,
Сквозь городские стены,
С океанических валов
Срывает клочья пены.

Пронзая ливень и метель,
Соборы и заборы
И, словно дьявольская дрель,
Просверливая горы,

Летит стрела с моей виной,
Летит в мою долину —
И огибает шар земной,
Чтоб мне вонзиться в спину.

1972

Посмотришь — на взморье огромная льдина
Навеки с землею слилась воедино,
Их не разлучить ни теченью, ни ветру,—
А тонкая трещинка еле заметна.

Ах трещинка эта, смиренная с виду,
Тонка, словно лезвие давней обиды;
Упала на лед она черною нитью,
Сигналом разлуки, приказом к отплытью.

Хрустальный массив разделен и пронизан
От края до края, от верха до низа
Весеннею трещинкой, тонкой, как волос,—
Фактически льдина уже откололась.

1974

Забывают, забывают —
Будто свои забывают,
Чтобы строить новый дом.
О великом и о малом,
О любви, что миновала,
О тебе, о добром малом
Забывают день за днем.

Забывают неумело
Скрип уключин ночью белой,
Вместе встреченный рассвет.
За делами, за вещами
Забывают, не прощая,
Все обиды прошлых лет.

Забывают торопливо,
Будто прыгают с обрыва
Иль накладывают жгут...
Забывают, забывают —
Будто клады зарывают,
Забывают — как сгорают,
Забывают — будто жгут.

Забывают кротко, нежно,
Обстоятельно, прилежно,
Без нацсады и тоски.
Год за годом забывают —
Тихо-тихо обрывают
У ромашки лепестки.

Не печалься, друг сердечный:
Цепь забвенья — бесконечна,

Ты не первое звено.
Ты ведь тоже забываешь,
Забываешь, забываешь —
Будто якорь опускаешь
На таинственное дно.

1974

Едва я дверь открыл, едва я свет зажег —
В испуге за окно отпрыгнул мрак ночной,
И сводчатый старинный потолок,
Как белый парашют, раскрылся надо мной.

Надежный старый стол и лампа в сорок ватт,
Скрипучий венский стул, протертый ворс ковра...
Я сброшен, как десант, в таинственный квадрат,
В загадочный просвет меж завтра и вчера.

О, скольким, кто теперь неслышим и незрим,
Дарила отдых ты, усталая кровать?!
На ленту бы заснять все сны, что снились им, —
Хватило бы весь шар земной окантовать.

Будь, Время, до утра податливо, как воск,
Бессонница, явись благословить мой труд, —
Склонившись над строкой, словесный строю мост
Меж теми, что ушли, и теми, что придут.

268 СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ РАННИХ КНИГ

- Цветные стекла — 5
«Вдали под солнцем золотились ели...» — 7
Воин — 8
Древняя крепость — 9
Лесной пожар — 10
«Сама весна бредет с тобою рядом...» — 11
Летние ночи — 12
Зеркало — 13
Семафор — 15
Весна в Ленинграде — 17
Шиповник — 18
Мой город — 19
«Пусть ржут метафорические кони...» — 20
«Я мохом серым нарасту на камень...» — 21
Сторож — 22
Надолбы — 23
Щука — 24
«А в старом парке листья жгут...» — 25
«Мы явленьям, и рекам, и звездам даем имена...» — 26
Старый храм — 27
Первый мост — 28
Весенний дождь — 30
Друг детства — 31
Приятельницы — 32
Гордыня — 33
Верблюды — 34
«Хорошо и привольно на свете...» — 35
Утешение — 36
- Из книги
«НЕЖДАНЫЙ ДЕНЬ»
Слова — 39
Вещи — 41
Выпускающий птиц — 42

- Балтика — 44
Непрерывность — 45
С годами — 46
Вторая порция — 47
Два человека — 48
Ручной волк — 49
Листок — 51
Рассветное одиночество — 52
На осеннем рассвете — 53
Берега — 54
- Из книги
«ЗНАКИ ЗЕМЛИ»
Зеленострой — 57
Каска — 59
22 июня — 61
Сохранение материи — 62
Выздоровевший — 63
Водоем справедливости — 64
Вечные бури — 66
Поэзия — 67
Отпечатки на угле — 68
Без украшений — 69
Люблю корабли — 70
Первый самолет — 71
Пустырь — 72
Будущее кино — 73
Художник — 74
Отражение в реке — 76
На заливе — 77
Первая зелень — 78
Городской сад — 79
Глоток — 80
Один человек — 81
«Никакою тропой не вернуться к тебе, невидимке...» — 82
Слезы — 83
Орфей — 84

- Из книги
«СТИХОТВОРЕНИЯ» 1965 г.
Высокое равенство — 87
Спросил у памяти — 88

Стены дворов — 89
 «Не пиши о том, что под
 боком...» — 92
 Умей — 93
 Личный враг — 94
 Стихи природы — 95
 Миг — 96
 Однажды в тайге — 97
 Скромность — 98
 Под Лугой — 99
 Движение — 100
 На озере — 101
 Острова Воспоминаний — 102
 Средний возраст — 104

Из книги «СВОДЫ»

Первопутник — 107
 До Прометея — 108
 «Путь капли по стеклу и путь
 огня в лесу...» — 109
 Наследующий землю — 110
 Статистика — 111
 «Снимая тела и конечно-
 сти...» — 112
 Праздник на Елагином ост-
 рове — 113
 «Нам снится не то, что хо-
 чется нам...» — 114
 «Нас женщины в путь прово-
 жают...» — 115
 Удача — 116
 «В кинозал, в нумерованный
 рай...» — 117
 «Отступление от Вуот-
 ты...» — 118
 Дом, предназначенный на
 снос — 119
 «Отлетим на года, на ве-
 ка...» — 120
 Рекорды — 121
 Памятник — 122
 Василию Третьяковскому по-
 свящается — 124

1. Восемнадцатый век, пер-
 вая четверть — 124
2. Безденежье в Гааге — 124
3. Возвращение — 125
4. Нулевой цикл — 126
5. Укрощение слов — 127
6. Уголья — 128
7. Квадратик — 128
8. Опала — 129
9. Успокоение — 130
10. Связой — 130

Льдина — 132
 Письмена — 133
 Своды — 134
 Станный сон — 135
 Обида — 137
 Ястреб — 138
 Перед взлетом — 139
 Виадук — 140
 Электронная сказка — 141
 Забывание — 142
 Лилит — 143
 Отдых — 146

Из книги

«ЗАПАС ВЫСОТЫ»
 Ступени — 149
 «Душа — общежитье надежд и
 печалей...» — 150
 «Невидимое мы узрели...» — 151
 Спор — 152
 «Вселенной радость и бе-
 да...» — 154
 Книга обид — 155
 Ночная ласточка — 156
 На пополнение — 157
 Пластинка — 159
 Шагая по набережной — 160
 На пенсии — 161
 Весть — 163
 Лилия — 164
 Часовой — 165
 Строители маяка — 166
 Колос — 167
 Фантастика — 168

270 «Пока еще не рассвело...» — 169
«Стало больше красавиц на свете...» — 170
Новейшие города — 171
Единственный с корабля — 172
«Глядитесь в свое отражение...» — 173
«Старинный пакетбот, погибший в Зейдер-зее...» — 174
Привычка — 175
Ворота в пустыне — 176
«Ты, детство, — золотое дно...» — 177
«Чем дальше в будущее входим...» — 178
«Есть на свете невзрачные рыцари...» — 179
Дворец — 180
«Налегай на весло, неудачник!..» — 181
«Друг лечил от увлечений...» — 182
«Над собой умеи смеяться...» — 183
Последняя радуга — 184
«Звезды падают с неба...» — 185
«Вы не та еще, не та еще...» — 186
Старые журналы — 187
На палубе — 188
«Амнезия, амнистия души...» — 189
Утешительный марш — 190
«У ангела ангина...» — 191
Анкета — 192
«Осенний закат отражается в глади озерной...» — 193
Переулочек памяти — 194
Подражание старым мастерам — 196
Ожидание — 197
У картины — 198
«В сыром пароходном дыму...» — 199

«Ты в былое свое оглянись...» — 200

ВЕЧЕРНИЙ НЕВОД *Новые стихотворения*

Напев тридцатых лет — 203
Военные ордена — 204
Сроки хранения — 205
Учебные тревоги — 206
Первая потеря — 207
На Невском — 208
Венчанье — 209
Благодарность крову — 210
«Предо мной, словно кони, дела...» — 211
«Мне город — каменное утешенье...» — 212
Дом на Васильевском острове — 213
«Ночью в Иокогаме...» — 214
Черта отсчета — 215
Назидание — 216
Хрестоматийный мальчик — 217
Возражение фантасту — 218
Неизвестные — 219
Люди — 220
Трактат о запахах — 221
Фасады старых зданий — 224
«Петровская хватка, петровская кладка...» — 226
Обмен впечатлениями — 227
Океанский пейзаж — 229
Баллада на старинный манер — 230
Тыловая баллада — 232
Лампочки в люстре — 234
Архитектура огня — 235
Соотношения — 236
Вечерний невод — 237
Ночное чтение — 238
Антоний — 239
Привязанность — 240
«В романе фантастическом одном...» — 242

Счастье — 243
Зарытый канал — 244
Стариковская жалоба — 245
Человек спешащий — 246
Отсутствие — 247
Покой — 248
Тихоокеанское — 249
Ливень в пустыне — 250
Счастливый экспресс — 251
Северный рай — 252
В зоопарке — 253
Обычный сон — 254

Вечерняя тишина — 255
Безумный экскурсовод — 256
Бочка — 257
Вечность — 258
Размышление в полете — 259
Иносказание — 260
Инфляция слова — 261
Взрывные работы — 262
Стрела — 263
Трещинка — 264
Забывают — 265
В старой гостинице — 267

Вадим Сергеевич Шефнер
«ПЕРЕУЛОК ПАМЯТИ»

Редактор И. А. Чечулина
Художник В. Б. Мартусевич
Художественный редактор И. З. Семенцов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор Т. В. Мельникова

Сдано в набор 11/IX 1975 г. Подписано к печати 12/XII 1975 г. М-26470. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 6,88. Тираж 25 000 экз. Заказ № 280. Цена 78 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

78 коп.